

ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ •

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ

ПРОВИНЦИАЛИЗМ
СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ
ПРОВИНЦИИ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
FACULTY OF HUMANITIES

BYZANTION AND BYZANTIUM:
THE PROVINCIALISM OF THE CENTER
AND THE CENTRALITY OF THE PROVINCES

Ed. by
S. Ivanov and A. Vinogradov

Saint-Petersburg
ALETHEIA
2020

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

Под редакцией
А. Виноградова и С. Иванова

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
В 428

Рецензенты:

доктор исторических наук *Т. В. Куц*
доктор исторических наук *Р. М. Шукуров*

В 428 Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 000 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-031-7

Сборник «Византий и Византия: столичность провинции и провинциальность столицы» посвящен проблеме взаимоотношений и взаимовлияний Константинополя и византийских провинций и составлен на основе докладов одноименной конференции 2017 г. В сборнике представлены работы ведущих мировых исследователей из России, Германии, Великобритании, Италии, Греции и Турции. Статьи сборника затрагивают вопросы политической истории, архитектуры, живописи, литературы, топографии и др. Предназначен для специалистов по Византии и всех интересующихся Средневековьем.

Byzantion and Byzantium: the provincialism of the center and the centrality of the provinces / Ed. by S. Ivanov and A. Vinogradov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2020. – 000 p.: ill.

This volume contains papers from the conference with same title organized by the Centre of Medieval Studies of the National Research University Higher School of Economics, October 23—27, 2017, Moscow. To us Byzantium looks like a tadpole with an overgrown head; but was Constantinople the only source of all cultural impulses in the Empire? How did the provinces influence the life of the megapolis on the Bosphorus? The papers of the conference attempt to look simultaneously at two oppositely directed processes: the spread of metropolitan fashions to the periphery, and the emergence of the provincial traits in the capital itself.

На передней стороне обложки: Парэкклисий в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия). Фото Ф. Нивёнера.

На задней стороне обложки: Пророк из Вознесения.
Мозаика Св. Софии в Салониках. Фото Р. В. Новикова.

ISBN 978-5-00165-031-7

9

785001650317

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие

Заглавие сборника «Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции», как и тема одноименной конференции, которая проходила 24–25 октября 2017 года в Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, может на первый взгляд показаться парадоксальной.

Византия — это условное название, принятое в Новое Время для обозначения грекоязычной Восточноримской Империи периода Средневековья. Сами «византийцы» свою страну никогда так не называли. Византием именовался античный город, выбранный в начале IV в. императором Константином Великим в качестве новой столицы и окрещенный Константинополем. Итак, слово «Византий» вроде бы не подходит для обозначения средневековой империи ни по географическим, ни по хронологическим параметрам.

И все-таки перед нами — не просто ученое недоразумение.

Прежде всего, константинопольские интеллектуалы, обожавшие античную стилизацию, и сами иногда именовали свой город Византием, да и вся византийская культура жила, словно обернувшись лицом назад. Интересный опыт обобщения такого подхода к городскому прошлому представляет собой статья Альбрехта Бергера. Прослеживая случаи вторичного использования старых строительных

материалов при возведении новых построек в Константинополе, автор раскрывает возможные идеологические коннотации этой вынужденной практики.

Другая причина, почему имена страны и города совпали, состоит в том, что нет в истории другого примера, когда столица до такой степени подминала бы под себя собственную страну, заставляя ее даже ассоциироваться с собой. Роль Константинополя в жизни Византии нельзя сравнить даже с ролью Рима в древнеримской истории: античная Империя была страной полисов, каждый из которых жил как самодовлеющая вселенная. А централизованная Византия, особенно после утраты в VII в. Антиохии и Александрии и в VIII в. Рима, вся целиком вращалась вокруг собственной столицы. К примеру, в IX в. даже во втором по величине городе Империи, Фессалонике, Константину Философу, будущему просветителю славян, не у кого было учиться — за учебой пришлось ехать в столицу. И по мере того как территория Византии скукоживалась — роль Константинополя только возрастала. Интересно взглянуть на то, как воплощалась в архитектуре столицы имперская идея, и об этом — статья Халюка Четинкая. Автор подводит итоги многолетних реставрационных изысканий в одном из самых величественных храмовых комплексов XII в. — Пантократоре и выдвигает оригинальную концепцию того, как выглядела находившаяся там усыпальница династии Комнинов, конструировавших новую имперскую идентичность столицы.

Царьград был центром притяжения не только для Империи, но и для стран византийского круга. Паломники шли сюда, словно в Святую землю. Статья Сергей Иванова посвящена первому из древнерусских «хождений» — «отчету» Антония Новгородца. Недавнее первое критическое издание этого выдающегося памятника позволяет совершенно по-новому ставить вопрос о соотношении паломнического взгляда на Царьград — и того имиджа столицы, который создавал у новгородского «туриста» византийский экскурсовод.

В круг имперского влияния входила и Венеция. Тому, как Византия вплеталась в идеологический дискурс республики св. Марка в период ее наивысшего могущества, посвящена работа Беатриче Даскас. Если на ранних этапах скалдывания венецианской политической мифологии важно было подчеркивать (вопреки фактам) независимость от Империи, то позднее показалось выигрышнее выводить историю Серениссимы из Трои и тем самым привязывать ее к византийской, но уже с тонами превосходства.

Впрочем, данный сборник посвящен не только и даже не в первую очередь собственно Константинополю. Скорее, главный упор в нем сделан как раз том аспекте, который часто остается в тени — самостоятельной жизни византийской провинции. Кажется, что роль столицы невозможно преувеличить — и однако она неизбежно преувеличивается в глазах исследователей, просто потому, что подавляющее большинство литературных текстов, дошедших до нас, произведено в Константинополе. Византий неизбежно и автоматически принимается за точку отсчета при любом разговоре о Византии. Но остальная империя все-таки жила своей жизнью, и подчас это провинция управляла столицей, на что обращает внимание в своей статье Пол Магдалино. На примере императора Маврикия, каппадокийца по происхождению, автор демонстрирует, как провинциальная элита делает столичную карьеру благодаря успехам своих земляков, и как элита константинопольская этим недовольна.

Дмитрий Черноглазов в своей статье прослеживает, как эволюционировали византийские письмовники: от сборника риторических упражнений, восходящего к Либанию, великому сыну Антиохии, к константинопольскому эвистоллярному этикету, который потом распространился вплоть до пост-византийского Кипра.

Иногда процессы, которые шли в провинции, определяли то, что потом находило развитие в столице, а иногда одна

провинция влияла на другую, через голову Константинополя. В последнее время важной темой в изучении Византии, особенной ранней, стала проблема регионализма. На уровне зодчества, литургической планировки и архитектурной декорации ее пытается решить в своей статье Филипп Нивёнер. Он показывает, что в этой области провинции находились даже под меньшим влиянием центра, чем в политическом, а локальные метрополии были для провинциальных городов важнее, чем Рим или Константинополь. Как оказывается, такой подход позволяет по-новому посмотреть даже на такую проблему, как начало иконоборчества.

Тема взаимосвязи и взаимодействия Константинополя и провинций находится в центре статьи Андрея Виноградова. Автор предпринимает попытку продемонстрировать, как тип крестово-купольного триконха, попав, вероятно, из позднеантичной архитектуры в омейядские дворцы, повлиял затем на константинопольские постройки императора Феофила, а те, в свою очередь, — на храмовое зодчество Малой Азии, Балкан и даже Руси. Так удается проследить весь путь от парадного зала римской виллы до стандартного афонского кафоликона.

Та же тема, но совсем на другом материале, раскрывается в статье Анны Захаровой, посвященной влиянию Константинополя на каппадокийскую монументальную живопись X века. Обычно исследователи столичного искусства не нисходят до грубых провинциальных фресок, а ученые, занимающиеся искусством Каппадокии и осознающие его более скромный уровень, концентрируются на изучении иконографии. Здесь же, напротив, предпринята попытка показать, как сменяющие друг друга художественные стили столицы последовательно отражались в пещерных церквях Каппадокии, которые, в свою очередь, становились местными образцами для подражания.

Каппадокийскую тему подхватывает статья Толги Уяра, но уже в контексте XIII века — эпохи сельджукского господ-

ства в Малой Азии. На примере скромной по размеру пещерной церкви Безирана Килисе автор старается понять, как конструировалась идентичность местных греков под властью мусульман. Для этого в статье использован язык новейших направлений искусствоведения, еще мало знакомый отечественному читателю.

В статье Михалиса Каппаса фокус исследования нацелен также на провинцию, но не рядовую — на Фессалонику, второй по значению город империи. Искусно лавируя между Сциллоу «идеального» константинопольского зодчества и Харибдой «элладской школы», автор приводит читателя к важному и новому выводу — конечно, средне- и поздневизантийская Фессалоника испытывала влияние столицы, но перерабатывала его в рамках собственных архитектурных традиций и сама становилась источником заимствований для Северной Греции и, шире, Балкан вообще.

Так как настоящая книга посвящена во многом визуальной культуре Константинополя и провинций, ее сопровождают многочисленные рисунки и фотографии. Все они имеют новую нумерацию в каждой статье: черно-белые обозначены как «рис.» и размещены в тексте, а цветные — как «илл.» и вынесены на отдельную вклейку. Подписи к иллюстрациям отражают авторский замысел.

Перед тем как дать слово самим авторам, хотелось бы подчеркнуть, что и конференция, и сборник изначально задумывались как междисциплинарные, объединяющие усилия специалистов в различных областях византийской цивилизации: истории, литературы, архитектуры, живописи, литургики. Каждый из них под своим углом зрения пытался посмотреть не только на проблему взаимоотношений Византия и Византии, Константинополя и провинции, но и на вопрос о том, насколько всегда столичен был Константинополь и насколько локальные центры сами могли претендовать на его роль. Удалось ли увидеть им что-то новое в этой необъятной теме, судить читателю.

эти здания преимущественно не были связаны с развитием провинциальных городов или чей-то карьеры, как это было в период Римской империи¹, но с личной повесткой константинопольских ктиторов, потому что Студий излечился благодаря воде из Гермии², Зинон был уроженцем Исаврии³, а Юстиниан, возможно, выступал за большую церковную интеграцию Азии⁴.

Если оставить в стороне такие исключительные постройки, раннехристианские церкви в провинциях представляются, прежде и более всего, провинциальными по своему характеру, что подразумевает, как их следует понимать и оценивать, — как провинциальные памятники в их провинциальном контексте. Их большое разнообразие требуется сегодня открыть заново, потому что большая часть его была утрачена из-за коллапса общесредиземноморской державы и последующих процессов приспособления в рамках более мелких государств-преемников⁵, например, византийского иконоборчества. Кое-что из прежнего разнообразия также стало ассоциироваться с различными этническими или национальными Церквями и державами. Таким образом, весьма поучительно открывать, что все это разнообразие или большая его часть изначально присутствовало в единой Церкви и империи.

¹ См. выше, с. 89, прим. 1.

² *Mango C.* St Michael and Attis // *ΔΧΑΕ*. 1984. Т. 12. Σ. 48.

³ Евагрий Схоластик. Церковная история III. 8; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire 2: A.D. 395–527. Cambridge, 1980. P. 1200–1202.

⁴ *Menze V.-L.* Johannes von Ephesus und Kaiser Justinian: ein Missionar sein Patron und eine Heidenmission im Kleinasien des 6. Jahrhunderts // *Vom Euphrat bis zum Bosphorus: Kleinasien in der Antike: Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von E. Winter (Asia Minor Studien; 65). Bonn, 2008. S. 451–460; *Leppin H.* Skeptische Anmerkungen zur Mission des Johannes von Ephesus in Kleinasien // *Die Christianisierung Kleinasiens in der Spätantike* / Hrsg. von W. Ameling (Asia Minor Studien; 87). Bonn, 2017. S. 49–59.

⁵ *Ousterhout R.* The Ecumenical Character of Byzantine Architecture: the View from Cappadocia // *Byzantium as Oecumene*. Athens, 2005. P. 211–232.

Андрей Виноградов

АФОНСКИЙ ХРАМ ИЛИ АРАБСКИЙ ДВОРЕЦ? КРЕСТОВО-КУПОЛЬНЫЙ ТРИКОНХ И НОВАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИМПЕРИИ

Возобновление активного строительства в Константинополе после «темных веков» привело к рождению новой архитектурной идентичности для всей империи. В отличие от живописи или литературы, где в конце Аморийской и начале Македонской династии стала преобладать ориентация на античность и раннюю Византию, в зодчестве, особенно церковном, происходит, напротив, отказ от старых строительных моделей и принципов и переход к новым, более компактным и иначе сконструированным и декорированным формам. Доминирование купола, наметившееся еще в VI в. и получившее мощное развитие в «темные века», с середины IX в. стало окончательным и бесповоротным, породив многообразие купольных зданий и сочетая старые архитектурные типы с новым принципом перекрытия интерьера. При этом почти каждый такой новый тип храма вызывает дискуссию относительно места его происхождения: был ли он создан в столице и оттуда распространился по империи, или же развивался независимо в разных провинциях

и в столице. Одним из таких типов стал и триконх «афонского типа».

Этот вариант купольного храм типа вписанного креста, с дополнительными апсидами посередине боковых стен, сыграл огромную роль в средне- и поздневизантийской архитектуре балканских провинций империи и сопредельных государств. Но, как показывают последние исследования, дискуссия об эволюции этого архитектурного типа, начатая Г. Милле, еще далека от завершения¹. Последним важным шагом в ней стал пересмотр традиционной хронологии ранних его образцов на Афоне: согласно С. Мамалукосу, первым был построен кафоликон в Ватопеде, по его примеру — в Ивироне, а затем по той же модели был перестроен собор Великой лавры, причем к этому процессу оказался непричастен Протат². В настоящий момент продолжают обсуждаться две основные проблемы: как определить сам тип и каково его происхождение.

При определении триконхов «афонского типа» все исследователи согласны в том, что их наос представляет собой крестово-купольный храм типа вписанного креста на колоннах или столпах с дополнительными апсидами по центру боковых (северной и южной) сторон, так что некоторые ученые логично предлагают называть его «крестово-купольным триконхом»³, каковым термином, как более архитектурным, мы и будем пользоваться в дальнейшем. Сложнее дело обстоит с дополнительными компартиментом: многие исследователи включали в определение типа также наличие двойного нартекса (типичен для ранних афонских памятников) или лити (нартекса на двух или четырех столпах, характерного для поздних храмов) и даже

парэклisieв рядом с нартексом, хотя последние имеются у меньшинства памятников. Недавний обзор В. Мессиса показал, что вышеописанные типы нартекса присутствуют только в афонских кафоликонах: у афонских парэклisieв данного типа, а также в большинстве таких памятников вне Афона вместо них чаще всего встречаются простые нартексы¹. Таким образом, тот или иной тип нартекса нельзя считать конституирующей чертой крестово-купольного триконха, который определяется, следовательно, лишь вышеописанным типом наоса, причем обоих изводов: как сложного (с вимой), так и простого (без вимы²).

Вопрос же об истоках типа крестово-купольного триконха разделяет исследователей на несколько групп, которые, обобщая, можно назвать сторонниками его афонского и неафонского происхождения³. Первые представлены П. Милонасом, Х. Бурасом, Р. Остерхаутом и В. Мессисом. Вторые, в свою очередь, делятся на сторонников зарождения этого типа на Кавказе и/или в Трапезунте (Г. Милле, Й. Стржиговский, Ф. В. Хаслак, Г. Сотирiu, Н. Гьолис, А. Ю. Казарян), в Македонии (П. Вокотопулос, Г. Веленис) и, конкретнее, Фессалонике (Н. П. Кондаков) или Перистерии (С. Манго, Т. Штеппан), в Адрианополе (Т. Папазотос) или Константинополе (см. ниже). Реже встречаются комбинированные теории: «кавказско-константинопольская» (А. Орландос) и «общевизантийская» (Г. Димитрокалис). «Константинопольская» гипотеза также весьма гетерогенна: начиная с О. Шуази, образцом здесь считали столичный храм св. Андрея в Суде; позднее Т. Штеппан выводил данный тип из триконхиальных боковых вим Мирелейона, А. Танцис — из подражания Влахернской и Халкопратийской базиликам, а С. Мамалукос — из столичной архитектуры вообще.

¹ Библ. см. в: *Mamaloukos S. A contribution to the study of the "Athonite" church type of Byzantine architecture // Зограф. 2011. Т. 35. С. 39–44; Мальцева С. В. Архитектура Сербии второй половины XIV — первой половины XV века. Моравская школа. Дисс. ... к. иск. СПб., 2016. С. 165–171.*

² *Μαμαλούκος Σ. Το καθολικό της μονής Βατοπεδίου: ιστορία και αρχιτεκτονική. Diss. Αθήνα, 2001; Mamaloukos S. A contribution...*

³ См.: *Мальцева С. В. Архитектура... С. 167.*

¹ *Μέσσης Β. Ναοί αθωνικού τύπου. Diss. Τ. 1–2. Θεσσαλονίκη, 2010.*

² На Балканах представлен только кафоликоном Великой лавры и отчасти храмами в болгарских Винице и Кырджали и моравской Любостыне.

³ Обзор точек зрения см. в: *Mamaloukos S. A contribution...*

Характерно, что при обсуждении всех перечисленных вопросов исследователи рассматривали крестово-купольные триконхи почти исключительно на Балканах: в Греции и «моравской школе», — на Кавказе им только искали аналогии, а для Константинополя лишь постулировали их возможное существование. Между тем, расширение поля зрения за пределы Балкан, как выясняется, может изменить многие позиции по вопросу происхождения и эволюции данного типа. Но для этого следует сначала рассмотреть все возможные случаи существования крестово-купольных триконхов вне Балкан, а затем проанализировать их генезис и взаимосвязи.

Константинополь

Как указывалось выше, памятники византийской столицы приводились в литературе в качестве не столько прямых прототипов, сколько возможных источников вдохновения при создании крестово-купольных триконхов. Долгое время таким источником считался храм св. Андрея в Суде, с конхами над рукавами, однако позднее было доказано, что эти конхи — результат османской перестройки¹, а сам храм — поздневизантийский². А. Танцис считает искомым прототипом Влахернский и Халкопратийский храмы³, однако следует помнить, что это были базилики, а не купольные церкви, да и от крестово-купольных триконхов реконструированный по письменным описаниям план Влахерн очень далек.

Подлинный крестово-купольный триконх в столице реконструировал С. Манго, отождествив храм Арсланха-

не с гравюры П. Инджиджяна, во-первых, как триконх, а во-вторых, как церковь Христа на воротах Халки Большого императорского дворца, которую Иоанн Цимисхий, согласно Льву Диакону (*Historia* 8, 1) перестроил как четырехколонную⁴. Однако сам вопрос об отождествлении храма на гравюре Инджиджяна с Халкинской церковью еще далек от разрешения⁵. Но даже сторонники такой идентификации признают, что у храма на гравюре П. Инджиджяна полукупола были только с востока и запада⁶, а сам он не похож на Халкинскую крестово-купольную церковь, описанную у Льва Диакона⁴. Не случайно впоследствии Манго сам отказался от своей реконструкции⁵.

Триконх в Большом императорском дворце. В связи с крестово-купольными триконхами Балкан В. Мессис обратил внимание на здание для приемов под названием Триконх в Большом императорском дворце столицы⁶, построенное императором Феофилом (829–842)⁷, возможно, в 839 г.⁸ и описанное у Продолжателя Феофана (*Historia*

¹ *Mango C.* The Brazen House: a study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople. Copenhagen, 1959. Fig. 1.

² Status questionis см. в: *Artan T.* The making of the Sublime Porte near the Alay Köşkü and a tour of a Grand vizierial palace at Süleymaniye // *Turcica: Revue d'études turques*. 2011. Vol. 43. P. 145–206.

³ *Asutay-Effenberger N., Effenberger A.* Zur Kirche auf einem Kupferstich von Ğugas Inciciyan und zum Standort der Chalke-Kirche // *Byzantinische Zeitschrift*. 2004. Bd. 97. S. 56.

⁴ *Ibid.* S. 59.

⁵ *Mango C.* A note on Panagia Kamariotissa and some imperial foundations of the tenth and eleventh centuries at Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. 1973. Vol. 27. P. 132. Note 39 (репр.: *Idem.* Studies on Constantinople. Aldershot, 1993. Study XX).

⁶ О его локализации см.: *Westbrook N.* An architectural interpretation of the Early Byzantine Great palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Diss. Perth, 2013. P. 258–262.

⁷ Сомнения Н. Вестбрука в том, что его строил именно Феофил, основанные только на его сходстве с триконхальными залами античных дворцов (*Ibid.* P. 256–258), рассеивает тот факт, что Феофил построил и другой триконх — во Вриантском дворце (см. ниже).

⁸ См.: *Ebersolt J.* Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies. Paris, 1910. P. 110. Note 1.

¹ *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tübingen, 1977. S. 173.

² *Marinis V.* Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries. New York, 2014. P. 119–120.

³ *Tantsis A.* The so-called “Athonite” type of church and two shrines of the Theotokos in Constantinople // *Зорграф*. 2010. Т. 34. С. 3–11.

Theophilus, 42): «Рядом с ним Триконх с золоченой крышей, получивший такое название из-за своего облика, ибо возносится тремя конхами: одной восточной (ее подпирают четыре римских колонны) и двумя боковыми, на север и юг. С запада здание поддерживается двумя колоннами, и войти в него можно через три двери: средняя сделана из серебра, крайние — из полированной меди»¹.

К сожалению, почти никто из исследователей не попытался реконструировать облик Триконха². Между тем, его описание содержит некоторые неясности. Главную из них — указание на то, что восточную конху подпирают четыре порфиновые колонны, некоторые исследователи воспринимают буквально³, однако такой феномен не известен ни ранне-, ни средневизантийской архитектуре. Н. Вестбрук⁴ предполагает, что эти колонны разделяли оконные проемы, однако это плохо соответствует, с одной стороны, глаголу *ὑποστηρίζεται* (букв. «подпирается»), указывающему на опоры конхи (но не на ее отгораживание), а с другой стороны, сопоставлению с колоннами, поддерживающими западную часть здания и явно не связанными с окном. Поэтому нам видится лишь один вариант реконструкции здания, не противоречащий описанию Продолжателя Феофана: под конхой он подразумевает весь опирающийся на четыре колонны свод восточной — самой важной — части здания,

которая была, соответственно, похожа на восточную часть крестово-купольного триконха сложного извода, только с парой колонн вместо предалтарных столпов¹. С запада же купол или свод центральной ячейки здания опирался на две колонны. В этом случае глагол *ἀνέχεται* (букв. «поддерживается») указывает, опять же, скорее на опоры свода, чем на замену западной стены на двухколонный портик, как иногда считается². Итак, вероятней всего, дворцовый Триконх был похож по плану на крестово-купольный триконх сложного извода (и именно так он реконструирован на плане Ж. Эберсолта³), только с дополнительной парой колонн вместо предалтарных столпов.

Храм архангела Михаила во Вриантском дворце. От внимания исследователей крестово-купольных триконхов почему-то ускользнул тот факт, что император Феофил построил в 831–832 гг. в загородном Вриантском дворце, на азиатском берегу Босфора⁴, и другой триконх — храм архангела Михаила, который также упоминает Продолжатель Феофана (*Historia Theophilus*, 9): «Занимался же строительством и все делал, следуя описаниям Иоанна, муж по имени Патрикий, удостоенный титула патрикия, который в добавление соорудил только у спальных покоев храм имени святейшей госпожи нашей Богородицы, а у переднего

¹ Перевод Я. Н. Любарского (Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. М. Наука. 1992. С. 62). οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ καὶ ὁ γείτων αὐτοῦ κεχρυσωμένην ἔχων ὄροφὴν Τρίκογχος, ἐκ τοῦ σχήματος τὴν κλῆσιν λαχὼν· τρισὶ γὰρ κόγχαις μετεωρίζεται, μιᾷ μὲν κατὰ τὴν ἀνατολὴν συνοικοδομοῦμενος, ἢ καὶ ἐκ τεσσάρων κίωνων Ῥωμαίων ὑποστηρίζεται, δυσὶ δὲ ἐγκαρσῖαις, κατὰ ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν φημί. τὸ πρὸς δύσιν δὲ τοῦ οἴκου μέρος ὑπὸ δύο μὲν κίωνων ἀνέχεται, τριῶν δὲ πύλων τὴν ἐξοδὸν δίδωσιν. τούτων ἡ μέση μὲν ἐξ ἀργύρου κατασκευάσται, αἱ ταύτης δὲ ἑκατέρωθεν ἐκ γυγανωμένου χαλκοῦ.

² Так, он просто упоминается в новой работе о постройках Феофила в Большом дворце: *Featherstone M. Luxury in the Palace: the buildings of Theophilus // Istanbul Arastirmalari Yilligi. 2013. Cilt 2. S. 37–40.*

³ *Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 110.*

⁴ *Westbrook N. An architectural interpretation... P. 263–264. Note 790.*

¹ Конструктивно в такой схеме нет ничего невозможного: в поствизантийский период мы встречаем ее на Афоне в парэкклисии Успения Богородицы монастыря Зограф (1764 г.) и кафоликоне монастыря Св. Павла (1817–1845) (*Μέσσης Β. Ναοί... Τ. 2. Σχ. 37, 55*).

² *Ebersolt J. Le Grand Palais... P. 110.*

³ *Ibid. Planche.* На плане А. Форта (*Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. Commentaire / Par A. Vogt. Paris, 1935. Planche*) четыре колонны с востока подпирают свод вимы, а две с запада поставлены между дверями.

⁴ *Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins: Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique (Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin; 2). Paris, 1975. P. 52;* Дюканж ошибочно поместил его в Большом императорском дворце (*Du Cange C. Constantinopolis Christiana seu Descriptio Urbis. Parisiis, 1680. P. 99; ср. также: AASS. Sept. Vol. 8. Col. 53*).

зала дворца — триконхиальный¹ храм, красотой красивейший и величиной многих превосходящий; средний придел носит имя архистратига Михаила², оба боковые — святых мучениц»³.

Формально в описании храма ничего не говорится о его конструкции, за исключением его триконхиальности, т. е. наличия трех апсид с севера, востока и юга⁴. Однако обращает на себя внимание упоминание в его составе трех «приделов»⁵, т. е. церквей с собственными алтарями, — центрального (τὸ... μέσον) и двух боковых (τὰ... ἐκατέρωθεν⁶ τοῦτου). Последние не могли размещаться в апсидах, прорезающих северную и южную стены, а значит, должны были иметь собственные апсиды в восточной части храма. Описанная картина трех параллельно расположенных церквей: центральной и двух по бокам от нее (ἐκατέρωθεν τοῦτου), в триконхиальном здании — а Продолжатель Феофана ничего не говорит о его пристройках — представима только в виде храма на четырех опорах, где каждый «неф» завершается своей апсидой. В пользу соположения трех алтарей говорит и явно ктиторийский характер их посвящения: арх. Михаилу

¹ τρικοῦχον; в русском переводе Любарского (см. ниже) ошибочно — «трехпридельный». Исключено, чтобы автор биографии Феофила использовал этот термин в двух разных смыслах (см. выше, о Триконхе в Большом дворце), да и слово τρικοῦχος в значении «трехапсидный» нигде не встречается. Ср. верный перевод в: *Mango C. The Art of the Byzantine Empire, 312-1453: Sources and documents. Toronto, 1972 (repr. 1986). P. 160; Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur libri I–IV / Rec. ... M. Featherstone et J. Signes-Codoñer (Corpus fontium historiae byzantinae; 53). Boston-Berlin, 2015. P. 143.*

² Имя восстановлено в: *Ibid.* P. 142.

³ Перевод Я. Н. Любарского (Продолжатель Феофана... С. 46). τὸ κατὰ τὸν κοίτηνα μὲν ἀνεγείρει ναὸν εἰς ὄνομα ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου, κατὰ δὲ τὸ προαύλιον τῶν τοιοῦτων παλατιῶν τὸν τρίκογχον ναὸν κάλλει τε κάλλιστον καὶ μεγέθει πολλῶν διαφέροντα, καὶ τὸ μὲν μέσον εἰς ὄνομα τοῦ ἀρχιστρατήγου, τὰ δὲ ἐκατέρωθεν τοῦτου εἰς μαρτύρων γυναικῶν ἀγίων ὀνόματα.

⁴ О невозможности его реконструкции как храма с тремя апсидами с востока см. выше, прим. 26.

⁵ Ср. *Janin R. Les églises...* P. 52.

⁶ У воспроизводящего этот пассаж Иоанна Скилицы (*Synopsis historiarum Theophilus*, 9) ошибочно — κάτωθεν «внизу».

— патрону сына (а также отца) Феофила, и двум святым мученицам, которые, очевидно, соотносятся с двумя старшими дочерьми Феофила — Феклой и Анной или Анастасией¹. Все это позволяет нам предложить реконструкцию храма арх. Михаила во Вриантском дворце как крестово-купольного триконха.

Таким образом, наша реконструкция планов Триконха в Большом императорском дворце Константинополя и храма арх. Михаила во Вриантском дворце подтверждает предположение С. Мамалукоса, что план крестово-купольного триконха происходит именно из Константинополя. Обращение к престижному, дворцовому по своему происхождению плану триконха² при Феофиле связано, очевидно, с возобновлением строительной деятельности во дворцах столицы и ее окрестностей (во Врианте). В двух наших случаях триконх соединяется с набирающим в IX в. популярность планом крестово-купольного здания на четырех колоннах. Пример аналогичного соединения крестово-купольного храма на четырех колоннах и тетраконха (с дополнительными угловыми апсидками) демонстрирует церковь свв. Апостолов на афинской Агоре первой четверти XI в.³ К IX в., вероятно, относится и эксперимент по созданию «крестово-купольного тетраконха» с изолированными угловыми ячейками (храм св. Константина на о. Фасий в Аполлонийском озере в Геллеспонте)⁴. Важно, однако, что Продолжатель Феофана воспринимает

¹ Ср. строительство Феофилом храма св. Михаила близ опочивальни Камиласы и св. Анны, в честь рождения дочери Анны (*Berger A. Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos (Poikila Byzantina; 8). Bonn, 1988. S. 441*).

² См., например: *Keshani H. The Abbāsid palace of Theophilus: Byzantine taste for the arts of Islam // Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean. 2004. Vol. 16. P. 86–87.*

³ Ср.: *Sharp R. S. The Outside Image. A Comparative Study of External Architectural Display on Middle Byzantine Structures on the Black Sea Littoral. Diss. Birmingham, 2010. P. 40–41.*

⁴ *Kappas M., Mamaloukos S. The church of St. Constantine on lake Apollonia, Bythnia, revisited // ΔΧΑΕ. Т. 38. 2017. Σ. 87–103.*

ет оба разбираемых дворцовых здания не как постройки типа вписанного креста на четырех колоннах, но именно как триконхи.

С другой стороны, строитель Вриантского дворца Патрикий, работавший под руководством синкелла Иоанна (будущего патриарха-иконоборца Иоанна Грамматика), воспроизводил там тип омейядских дворцов. Храм арх. Михаила, построенный, видимо, раньше Триконха в Большом дворце, описан у Продолжателя Феофана как христианское добавление к арабскому дворцу, но его план в виде крестово-купольного триконха, реконструированный нами находит параллель в омейядской дворцовой архитектуре: в банях дворца халифа Хишама (724–743) в Хирбат аль-Мафджар есть купольный зал с 16 колоннами (4x4), где с каждой стороны трем центральным «нефам» соответствуют 3 апсиды (с восточной, из-за входа, их 2)¹. Поэтому нельзя исключать, что и план крестово-купольного триконха был заимствован в Константинополь с Востока, в широком смысле этого слова. Действительно, аналогичный 16-колонный извод мы находим в «церкви с гранитными колоннами» в нубийской Старой Донголе (VIII в.)², а своеобразный вариант без опор — уже в храме Рождества в Вифлееме VI в.³

Примечательно, что Продолжатель Феофана (*Historia Theophili*, 42) сообщает и о строительстве по образцу Триконха еще двух построек во дворце: Мистирия и Тетрасера, — очевидно, что «красотой красивейший и величиной многих превосходящий» Триконх мог стать образцом для дальнейшего подражания.

Малая Азия

О крестово-купольных триконхах в монастырях Малой Азии до 1000 г. говорил — чисто теоретически — Г. Сотирю, но он имел в виду Трапезунт, как родину св. Афанасия Афонского¹. Поскольку же сейчас первенство построенного тем кафоликона Великой Лавры среди балканских крестово-купольных триконхов отвергнуто (см. выше), то утрачивается и этот аргумент в пользу связи данного типа храмов с Малой Азией². В том же русле, Трапезунт–Афон, мыслила и Ж. Лафонтен–Дозонь — единственный исследователь, кто подошел к дискуссии о генезисе крестово-купольных триконхов с «малоазийской» стороны, включив в нее такой важный, но, увы, недооцененный учеными³ памятник, как Сарыджа Килисе.

Сарыджа Килисе. Каппадокийская пещерная церковь Сарыджа (Кепез) Килисе⁴ близ Агиос Прокопиоса (совр. Юргюп) — крестово-купольный храм типа вписанного креста простого (без вим) извода на четырех колоннах (рис. 11); восточные боковые апсиды превратились здесь в

¹ Σωτηρίου Γ. Χριστιανική και Βυζαντινή Αρχαιολογία. Τ. 1. Αθήνα, 1942. Σ. 458.

² Не слишком удачной оказалась попытка А. Ю. Казаряна проследить кавказское влияние на триконхи «афонского типа» через кафоликон Ивилона (Казарян А. Ю. Триконховые крестово-купольные церкви в зодчестве Закавказья и Византии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 13–30), так как теперь мы знаем, что последний копирует кафоликон Ватопеда, никак с Кавказом не связанный (см. выше).

³ Его упоминает только Мессис (Μέσσης Β. Ναοί... Τ. 2. Σ. 104. Σημ. 341), но наряду с другими каппадокийскими триконхами иных типов и безо всякого анализа.

⁴ Как Сарыджа Килисе храм обозначают Г. Рот (*Rott H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig, 1908. S. 208–209*) и Ж. Лафонтен–Дозонь (*Lafontaine-Dosogne J. Sarica kilise en Cappadoce // Cahiers archeologiques. 1962. Vol. 12. P. 263–284*), как Кепез Килисе — С.-Э. Воллэс (*Wallace S.-A. Byzantine Cappadocia: The Planning and Function of its Ecclesiastical Structures. Diss. Canberra, 1991. Vol. II. P. 25–37*).

¹ См.: *Hamilton R. W. Khirbat al Mafjar. An Arabian mansion in the Jordan valley. Oxford, 1959. P. 45–105. Fig. 25–27.*

² См.: *Grossmann P. Mittelalterliche Langhaus-Kuppelkirchen und verwandte Typen in Oberägypten. Glückstadt, 1982. S. 97–100.*

³ Так, исследователи кавказской архитектуры признают возможное влияние Вифлеема на доарабские крестово-купольные триконхи Армении (*Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Т. II. М., 2012. С. 426–427*).

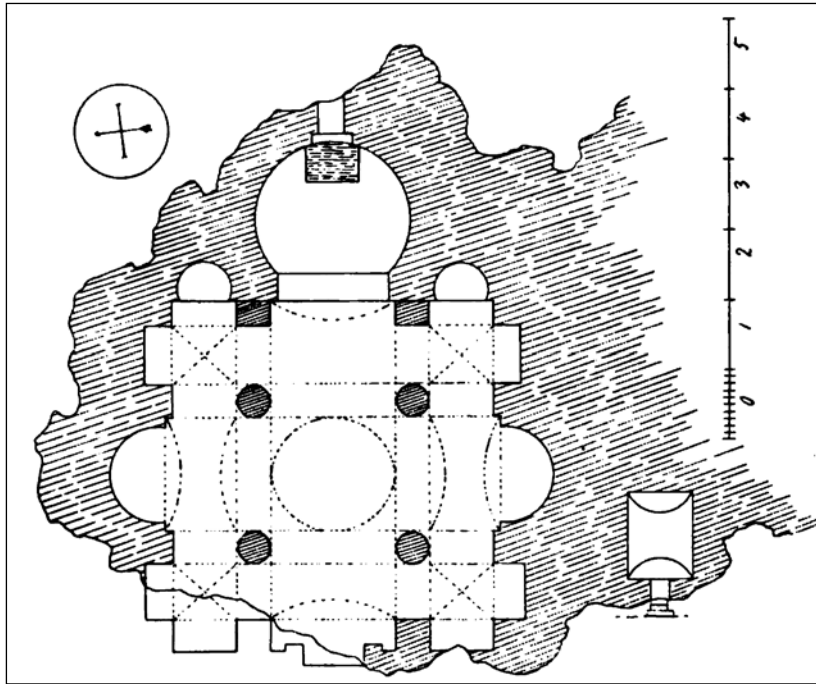

Рис. 11. Сарыджа Килисе, план (по Г. Ротту)

высокие полукруглые арочные ниши. К северному и южному «рукавам» креста примыкают во всю их ширину и высоту апсиды, полукруглые в плане, в отличие от подковообразной формы восточной апсиды, вызванной необходимостью полностью заключить в себе алтарь. Северная и южная апсиды были в нижней своей части пробиты позднее склепами.

В архитектуре храма заметно старание подражать высококлассному наземному образцу: сплошной карниз под сводами «рукавов» креста (под малыми подпружными арками — импосты) и под барабаном, сам барабан высокий и разделан восемью скругленными арочными нишами,

угловые ячейки перекрыты крестовыми сводами, у колонн вытесаны базы и капители. В свою очередь, данный храм стал образцом для подражания при строительстве соседних церквей в том же комплексе: в двух из них (Кепез Дерё 2а и 3) есть ниши вместо боковых апсид и аркада в барабане (в одном нарисованная охрой), а в одной (Кепез Дерё 3¹) — дополнительные апсиды, но только обе подняты над полом наоса на полметра, а одна перемещена с севера на запад, что свидетельствует об утрате понимания триконхального образца (об упрощении говорит и замена крестовых сводов на купольные).

Живопись Сарыджа Килисе Ж. Лафонтен-Дозонь датирует временем вскоре после середины XI в.², однако С.-Э. Воллэс, по такой архаической черте, как синтрон с горним местом, склонна относить само строительство храма к рубежу IX–X вв. Итак, Сарыджа Килисе — ясный пример средневизантийского крестово-купольного триконха в Центральной Анатолии. Лафонтен-Дозонь считала его представителем того малоазиатского типа, который св. Афанасий перенес на Афон, а само появление этого типа в Анатолии связывала с влиянием доарабской архитектуры Армении. Однако, как мы видели выше, гипотеза о первенстве св. Афанасия в строительстве триконхов на Афоне теперь отвергнута. Что же касается происхождения архитектуры Сарыджа Килисе, то в ней мы не видим никаких специфических закавказских

¹ Ibid. P. 60–73.

² Часть существующих датировок основана на недоразумениях или натяжках: датировка XIV в. у Г. де Жерфаньона и Х. Винер-Эмс (см.: Wiener-Ems H. Die Sarica Kilise: eine Kirche der spätbyzantinischen Zeit in Kappadokien // Istanbulur Mitteilungen. 1997. Bd. 47. S. 415–428) базируется на идее о влиянии триконхов «афонского типа», к тому же в старой их хронологии, и (у последней) на ошибочной датировке живописи, как и датировка XIII в. у итальянских исследователей (Pelosi C. et al. The rock hewn wall paintings in Cappadocia (Turkey) // e-PS. 2013. Vol. 10. P. 99–108), датировка живописи временем ок. 1100 г. у М. Рестле невозможна, если учесть, насколько близка к этой дате манцикертская катастрофа 1071 г. (см.: Wallace S.-A. Byzantine... Vol. II. P. 25).

черт (например, удлинения восточных и западных ячеек) — напротив, крестовые своды квадратных угловых ячеек, сплошной карниз, разделка купола скругленными нишами и синтрон с горным местом указывают на влияние византийского и даже константинопольского зодчества. Местным образцом для Сарыджа Килисе мог быть знаменитый соседний храм Св. Креста в Сирихе, хранивший реликварий с частицей Животворящего Древа и существовавший уже к началу X в.¹

Исламкёй. От внимания исследователей ускользнул еще один триконхиальный храм в самом сердце Анатолии — в псидийском Исламкёе, известный лишь по описанию и одной фотографии Г. Ротта (рис. 12): «Эти византийские рельефы, несомненно, происходят из бывшей христианской церкви посреди села, которая была превращена в мечеть. Ориентированная на восток трехнефная базилика на колоннах с подобными триконхам апсидами в восточной, северной и южной стенах, она сегодня полностью разрушена и перестроена со стороны портала, равно как и внутри; кроме того, варварским образом пробиты окна. Пилястры, сложно профилированные глухие арки и круглые ниши над ними оживляют фасады, которые сооружены из регулярно чередующихся поясов кирпича и квадров. Последние происходят из какой-то более древней постройки, возможно, некой первой церкви, тогда как наше сооружение уже хотя бы по своей технике можно отнести, самое раннее, к началу второго тысячелетия. Барабаны колонн, диаметром 0,6 м внизу, с византийскими капителями, украшенными крестами, лежат в интерьере, от системы опор которого сохранились только пилястры в стенах толщиной 0,9 м, указывающие, что его когда-то перекрывали своды. Базы, которые лежат перед входом, как кажется, несли на себе некогда колонны вестибюля. Глубоко профилированный, но сейчас

Рис. 12. Исламкей, вид на храм с юго-востока (фото Г. Ротта)

почти полностью разрушенный карниз обходил некогда все здание на высоте подоконника. Внутри я измерил ширину — 8,2 м, и длину — 12,5 м. Поскольку церковь стиснута домами, я смог сделать только один ее убогий снимок»¹.

По этому описанию церкви, а также по фотографии, на которой представлены ее наружный юго-восточный угол, восточная апсида и восточная часть южной апсиды, можно реконструировать в общих чертах облик здания. В его восточной части, на равном расстоянии от углов, северная, восточная и южная стены были прорезаны полукруглыми снаружи апсидами, разделанными изнутри тремя скругленными нишами наподобие триконха (были ли в толще восточной стены боковые апсиды, неизвестно). По сторонам от трех апсид размещались пилястры, причем как снаружи, так и внутри. На фасадах аналогичные пилястры были и на углах здания, а между ними были помещены сложно

¹ *Ahrweiler H.* Sur la localisation du couvent de Timios Stavros de Syricha // *Geographica Byzantina*. Vol. 3. Paris, 1981. P. 9–15.

¹ *Rott H.* Kleinasiatische... S. 10–11. Abb. 3.

профилированные двухступчатые плоские ниши: круглые наверху, над карнизом, отмечающем уровень пят малых подпружженных арок, и узкие арочные под ним; аналогичными тремя арочными нишами, соответствующими трем нишам внутри (см. выше), были разделаны и все апсиды. В интерьере же на пилястры опирались малые подпружженные арки, опускавшиеся другим концом на колонны, которые образовывали таким образом подкупольный квадрат и квадратные угловые ячейки. Такая конструкция крестово-купольного триконха, в его простом (без вим) изводе (о нем см. выше), исключает реконструкцию храма в качестве базилики, как ее описывает Ротт¹, очевидно, из-за удлинения его западной части на 4,3 м в интерьере и разрушения купола (вместе со сводами)². Если к западу от западных угловых ячеек на боковых стенах также размещались пилястры, то они могли отвечать как еще одной паре колонн, так и паре столпов: как бы то ни было, и те, и другие образовали три прохода из наоса в нартекс нормальной шириной ок. 3,5 м (4,3 м разницы минус 0,9 м внутренней стены), перекрывавшейся притолоками или сводами. С запада к храму, по всей видимости, примыкал колонный экзонартекс (рис. 13). Такая реконструкция церкви в Исламкёе как крестово-купольного триконха простого (без вим) извода совершенно точно соответствует устройству Сарыджа Килисе.

По фасадной декорации ближайшим аналогом нашему храму оказывается церковь Богоматери в константинопольском монастыре Константина Липса (904 г.) и собор в Маставре (совр. Дер-Агзы) в соседней Ликии: особенно показательны уникальные сложно профилированные круглые ниши типа *œil de bœuf*. Присутствует там и карниз на

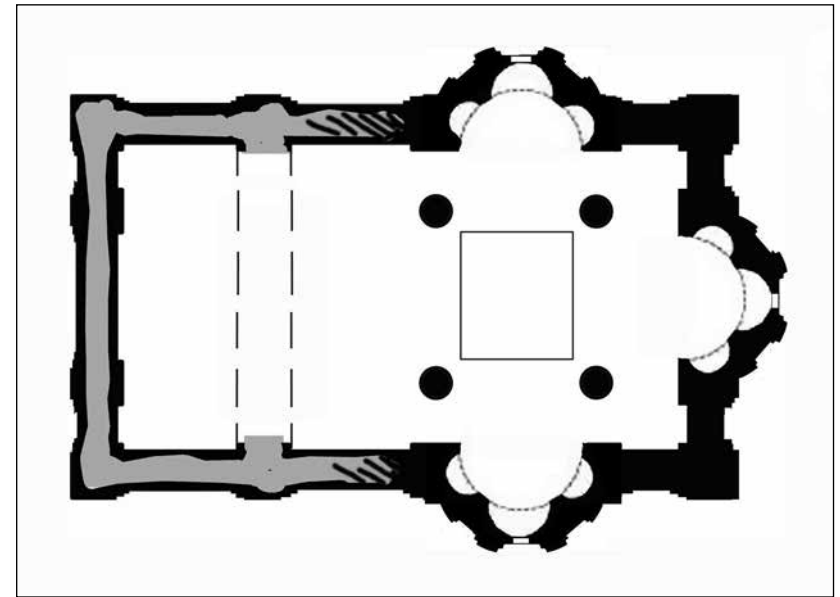

Рис. 13. Исламкей, план храма
(реконструкция Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова)

апсидах на уровне подоконников, и кладка *opus mixtum*, хотя ее характер в Исламкёе (5–7 рядов плинфы и 1 ряд квадров) схож скорее с кладкой фасадов в константинопольской Вефа Килисе Джамии, не имеющей точной даты. Также весьма показателен прием разделки северной, восточной и южной апсид тремя нишами наподобие триконха: он встречается во всех апсидах столичного тетраконха Панагии Мухлиотиссы (нач. XI в.)¹ и в восточной апсиде церкви Синаитик в Адрианополе (совр. Эдирне, XII в.)², а также во всех трех апсидах Сан-Марко в Венеции (ок. 1063 г.), копирующего юстиниановский храм свв. Апостолов в Константинополе.

¹ Впрочем, этот термин у Ротта не всегда обозначает собственно базилику: так, вышеупомянутую Сарыджа Килисе он называет «купольной базиликой» (*Ibid.* S. 208).

² Не поможет здесь и параллель с реконструкцией Влахернской базилики (см. выше): там мы видим не выступающие наружу апсиды, а экседры между центральным и боковым нефами.

¹ См.: *Marinis V. Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries.* New York, 2014. P. 199–200.

² *Gurlitt C. Die Baukunst Konstantinopels.* Berlin, 1912. S. 37. Abb. 48.

Упомянутая Роттом надпись, вероятно, метрическая¹, была высечена на дверной притолоке, которая украшена на лицевой стороне рельефной аркадой с пальметтами и крестами: по стилю (как и архитрав алтарной преграды из соседних Агр²) и палеографии она датируется IX–X вв. Сам Исламкёй расположен между древним писидийским городом Селевкия Сидира и византийским городом Агры, куда между 787 и 869/70 г. переместилась епископская кафедра Селевкии³. Таким образом, вероятней всего, что крестово-купольный триконх простого извода (сопоставимый по времени с Сарыджа Килисе и храмами в болгарских Винице и Кырджали) в Исламкёе был построен в конце IX — начале X в., возможно, по столичному образцу и, очевидно, столичными мастерами. Причиной для появления столь высококлассных строителей можно считать оживление жизни здесь во второй половине IX в., отразившееся в переносе епископской кафедры из заброшенной Селевкии Сидиры в новый центр по соседству — Агры.

Влияние типа крестово-купольного триконха чувствуется также в триконхе, построенном в ранне- или средне-византийское время на месте римского тетракиония в карийской Афродисиаде (рис. 14)⁴. В вынутые четверти внутренних углов здесь были вставлены (возможно, при перестройке X–XI вв.) колонны, не образующие, однако, полноценных угловых ячеек, что делает храм похожим на Св. Илию в Фессалонике.

¹ Возможна реконструкция в виде двух двенадцатисложников: Ἐλοήσε e.g. τοῦτο τὸ ἔργον ἐν Χριστῷ Γαβριήλ, τὸν θεὸν [θερμῶς ἱκετεύων e.g. «Выстроил (?) это) здание во Христе Гавриил, Бога [умоляя горячо (?)]»; ср.: Manuel II Palaeologus. Canon supplicationis 71; Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle. Athènes, Paris, 1983. N. 226; Ameling W. Die Inschriften von Prusias ad Hyprium (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien; 27). Bonn, 1985. Nr. 119.

² Rott H. Kleinasiatische... S. 13. Abb. 4.

³ Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien (Tabula Imperii Byzantini; 7). Wien, 1990. S. 172, 283, 378.

⁴ Библи. см. в: Dalgıç Ö., Sokolicek A. Aphrodisias // The Archaeology of Byzantine Anatolia / Ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 278. Note 78.

Таким образом, очевидно, что крестово-купольные триконхи в Малой Азии средневизантийского времени были известны и в Каппадокии, и в Писидии, и в Карии, и все они ориентировались на образец — судя по высокому уровню исполнения, столичный. Притом образец этот был простого (без вим) извода, что соответствует ранней стадии соединения триконха с крестово-купольным храмом на четырех колоннах, — в этом смысле не удивительно, что малоазийские крестово-купольные триконхи, все простого типа, опережают по времени афонские, преимущественно сложного типа. При этом следует помнить, что тема соединения храма типа вписанного креста с триконхом разрабатывалась в сопредельных Малой Азии кавказских областях: в доарабское время это происходило в армянских землях (с VII в.: Двин, Талин), а в послеарабский период — у грузинских

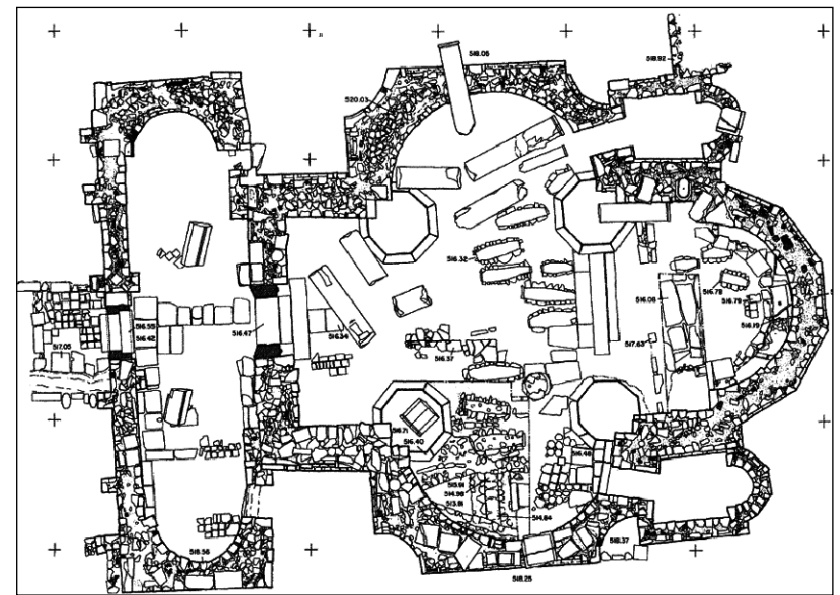

Рис. 14. Афродисиада, триконх на тетракионии, план (по О. Далгичу)

Багратидов (с 963 г.: Ошки, храм Баграта в Кутаиси; ср. также кахетинское подражание в Алаверди)¹. Однако прямую генетическую связь между этими памятниками и малоазиатскими триконхами проследить не удастся: нет сходства ни в типе крестово-купольного триконха (сложный <> простой), ни в выборе опор (столпы <> колонны), ни в завершении боковых нефов (изолированные пастофории <> разные варианты)², хотя квадратные угловые ячейки могут свидетельствовать о некотором византийском влиянии на грузинские триконхи (в ранних армянских триконхах они были прямоугольными). Итак, учитывая столичную архитектурную декорацию в Исламкёе и Сарыджа Килисе, приходится признать, что и тип простого крестово-купольного триконха пришел в Малую Азию из Константинополя, очевидно, вместе со строившими его мастерами.

Древняя Русь

Памятники домонгольской Руси обычно не рассматриваются в контексте дискуссии о крестово-купольных триконхах. Даже последнее их обобщение³ опирается, к сожалению, на уже устаревшие к настоящему моменту представления о генезисе крестово-купольных триконхов,

¹ См.: Казарян А. Ю. Триконховые...

² Сходство в разделке апсид полукруглыми нишами в Исламкёе и Алаверди мнимое, так как в последнем частично разделана ими только северная апсида (по подобию алтарных апсид других грузинских храмов), да и то лишь частично и из-за размещения здесь могилы ктитора, причем все апсиды у грузинских памятников такого типа вписаны в прямоугольник. Источник данной композиции в Алаверди — несомненно, зодчество Давида Куропалата и Баграта I (см.: Виноградов А. Ю. Христианское зодчество после арабов: в поисках новой идентичности. Абхазское царство, Тао-Кларджетия, Картли и Кахетия // *Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе*. М., 2017. С. 129).

³ Седов Вл. В. Афон и русская архитектура начала XIII в. (причины влияния) // *Архитектура в истории русской культуры*. М., 1996. С. 39–45.

а главное, не анализирует детально архитектурно-типологические особенности русских триконхов. А ведь на Руси существуют, как минимум, три памятника, формально относящихся к этому типу. Сразу следует оговориться, что с триконхами «афонского типа» не связан собор Рождественского монастыря во Владимире¹, где дополнительные апсиды примыкают к северной и южной стенам галерей, так как и их расположение (у галерей и не по оси купола), и их функция (для погребения и для лестницы) совершенно иные, чем на Афоне: ближайший аналог данному феномену — дополнительная апсида у южного обхода Св. Георгия в Манганах (1042–1055)².

Бельчицкий триконх. Первый из русских крестово-купольных триконхов — безымянный храм в Бельчицком монастыре Полоцка, разрушившийся еще в древности и частично раскопанный в конце XVIII в. при добыче песка (рис. 4.5)³; его остатки были видны еще в начале XX в. Храм был сложен из плинфы (в т. ч. лекальной для полуколонн) с бутовым заполнением из камня и цемяночного раствора с дробленным камнем⁴; в апсиде была очень глубокая яма, возможно, на месте крипты. При раскопках был сделан схематический план, на котором храм выглядит крестово-купольным триконхом, вытянутым по продольной оси, на

¹ Вопреки: Иоаннисян О. М. Зодчество второй половины XII века // *История русского искусства*. Т. 2.2. М., 2015. С. 133; Седов Вл. В. Гора Афон и древнерусская архитектура // *Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира*. Материалы международного симпозиума. М., 2017. С. 77–78.

² См.: Demangel R., Mamboury E. *Le quartier des Manganes et la premier region de Constantinople*. Paris, 1939. Pl. V.

³ Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка. Деревянные церкви в г. Витебске // *Труды 9 Археологического съезда в Вильне*. Т. 1. М., 1895. С. 12; Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века // *Краткие сообщения Института археологии*. 1962. Вып. 87. С. 102–104; Раппопорт П. А. *Русская архитектура X–XIII вв.* Каталог памятников. Л., 1982. С. 99.

⁴ У Павлинова сказано, что фракции толченого кирпича достигали величины «кедрового ореха»; у Воронина и Раппопорта орех превратился в грецкий.

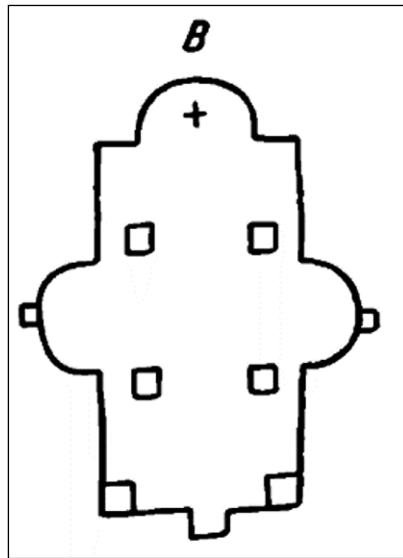

Рис. 15. Полоцк, триконх в Бельчицком монастыре, план (по П. А. Рапппорту)

четырёх квадратных столпах. В западных углах на плане показаны еще какие-то квадратные столпы (пилястры для хор?). Судя по рисунку, в храм вели три входа (с крыльцами?) по центру западной, северной и южной стен, т. е. в т. ч. и через северную и южную апсиды. Апсид по сторонам от центральной нет, но на их месте могли быть ниши в толще стены (как в Борисоглебской церкви того же монастыря).

При всей схематичности плана конца XVIII в. на нем видна одна особенность бельчицкого триконха, а именно наличие проходов (с крыльцами?) по центру северной и южной апсид. Такая редкая черта (причем тоже с крыльцами) известна в кафоликоне Хиландара, построенном в начале XIV в. (а под его влиянием — в «моравской школе»), однако вероятно, что они были еще в первом хиландарском кафоликоне XI в.¹ Кроме того, сильно вытянутые в продольном направлении восточные ячейки напоминают крестово-купольные триконхи сложного извода (к которому относится и вышеупомянутый большой собор Бельчиц), однако такое удлинение бывает и в представителях простого типа (в Новгород-Северском и Путивле (см. ниже), а также в болгарском Кырджали²).

¹ Μέσσης Β. Ναοί... Τ. 2. Σ. 60–66. Σχ. 12–13.

² Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура на Първата българска държава. София, 1984. С. 155–159. Фиг. 106.

По свидетельству Павлинова, плинфа церкви имела тот же размер, что и плинфа большого монастырского собора, который датируется Н. Н. Ворониным 1120–1130-ми гг.¹, — это позволило последнему предложить датировку триконха тем же временем². П. А. Рапппорт датировал храм вначале осторожнее — XII–XIII вв.³, хотя позднее сузил датировку до 1140–1170-х гг.⁴ Седов в начале своей статьи относит бельчицкий триконх к постройкам конца XII — начала XIII в., вероятно, чтобы сблизить с храмами в Путивле и Новгород-Северском (о них см. ниже) и тем самым обосновать свою гипотезу об афонском влиянии на Русь в начале XIII в.⁵ Сходство размеров полоцкой плинфы, типичной для XII в.⁶, и строительной техники (плинфяная кладка с использованием бута в нижней части) не позволяет датировать бельчицкий триконх точнее в ряду других полоцких памятников.

Н. Н. Воронин связал возможное балканское влияние с византийскими связями княгини Евфросинии Полоцкой, однако у нас нет никаких свидетельств о ее связи с Бельчицами и их храмами. Связь же бельчицкого триконха с Евфросинией нужна была Воронину, чтобы доказать его монастырский характер, но следует помнить, что кресто-

¹ См.: Рапппорт П. А. Русская архитектура... С. 98. Его передатировка В. А. Булкиным на последнюю треть XI в. (Булкин В. А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // СФИА: сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М., 2006. С. 89–100) вызывает сомнения, так как базируется на передатировке типологически связанного с ним храма Спаса на Берестове на 1060-е гг., не получившей поддержки у исследователей (см.: Комеч А. И. Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства. Т. 1. М., 2007. С. 378–379; Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа X–XIII вв.: опыт типологии // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. К., 2017. С. 96–126).

² Воронин Н. Н. К истории... С. 103.

³ Рапппорт П. А. Русская архитектура... С. 98.

⁴ Он же. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 84.

⁵ Седов Вл. В. Афон... С. 39

⁶ См.: Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа...

во-купольный триконх совсем не обязательно должен быть монастырской церковью: вариантский триконхиальный храм арх. Михаила был, например, дворцовым, а на Руси мы знаем такую церковь, как собор Путивля (см. ниже)¹. Кроме того, нахождение бельчицкого триконха рядом с большим собором показывает его вспомогательный характер, тогда как все ранние монастырские крестово-купольные триконхи — кафоликаны (первый парэкклисий такого типа — храм Богородицы Портаитиссы в Ивироне, построен только в 1680 г.²). Наконец, и сами Бельчицы впервые упоминаются в Ипатьевской летописи под 1159 г. не как монастырь, а как резиденция князя Ростислава.

По своему плану бельчицкий триконх особенно близок полоцкому храму в Детинце и родственной ему смоленской церкви арх. Михаила: его отличает от них, по сути, лишь замена северного и южного зальных парэкклисиев на апсиды по образцу крестово-купольных триконхов. Церковь в детинце, сложенную из плинфы аналогичного формата и в аналогичной полубутовой технике, П. А. Раппопорт датирует по архитектурному сходству со смоленским храмом арх. Михаила (построен до 1197 г.) 1160–1180-ми гг., предполагая, что полоцкий мастер перешел позднее в Смоленск³. В Полоцке большую часть 1160–1170-х гг., после Василька-Рогволода Борисовича-Рогволодовича (1144–1151, 1159–1162), княжил Всеслав Василькович (1162–1167, 1167–1175, 1178–1180). Оба они, а также отец последнего Василько Святославич (полоцкий князь в 1132–1144 гг.), очень вероятно, были в числе полоцких князей, сосланных в Константинополь в 1130 г. Мстиславом Владимировичем. Были среди них, вероятно, и дядя обоих Васильков — Давыд Всеславич (полоцкий князь в 1101–1127, 1128–1129 гг.), и его сын Брячислав Изяславский, чья жена Аксинья (дочь Мстислава

Владимировича Киевского), по сообщению Антония Новгородца, была погребена близ Константинополя, в монастыре прп. Даниила Столпника. Поэтому один из полоцких князей второй половины XII в. вполне мог ориентироваться при строительстве бельчицкого триконха на какой-то лично знакомый ему византийский образец¹, например, на храм арх. Михаила во Вриантском дворце или на один из афонских триконхов, хотя наличие крипты в восточной части бельчицкого триконха может указывать на его погребальный характер. Важно, что в таком случае речь идет о простом перенесении идеи крестово-купольного триконха из Византии на Русь, тогда как для ее воплощения вполне могло хватить сил местных мастеров (хотя их византийского — полного или частичного — происхождения исключать также нельзя).

Храм Спасского монастыря в Новгороде-Северском и собор в Путивле. Два аналогичных по плану и строительной технике крестово-купольного триконха были распаны в Черниговской земле: в детинце Путивля² (рис. 16) и в Спасском монастыре Новгорода-Северского³ (чуть большего размера; рис. 17), хотя как монастырь последний комплекс известен только с XVIII в. Новгород-северский

¹ Ср. возможный приход византийских мастеров в Витебск в 1140 г. (Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века // Советская археология. 1980. № 3. С. 157–158).

² Холостенко Н. В. Исследование памятника XII в. в г. Новгород-Северске // Сборник сообщений института «Киевпроект». Киев, 1958. № 1–2. С. 34–43; Раппопорт П. А. Русская архитектура... С. 47–48; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. Работы Новгород-Северской экспедиции 1982 года // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 272; Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 60–61; Карнабед А. А. Новые данные о памятнике Чернигова XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 38–40.

³ Богусевич В. А. Раскопки в Путивльском кремле // Археология. Киев, 1963. Т. 15. С. 165–174; Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле // Археологические открытия 1965 г. М., 1965. С. 154–156; Раппопорт П. А. Русская архитектура... С. 47.

¹ Ср.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 210.

² Μέσσης Β. Ναοί... Т. 2. Σ. 109.

³ Раппопорт П. А. Зодчество... С. 86.

триконх не имеет точной датировки, но судя по принципам профилировки пилястров, относится к концу XII — началу XIII в., а храм в Путивле, судя по нахождению строительного мусора непосредственно под слоем разрушения 1238 г., построен где-то в первой трети XIII в.

План обеих церквей аналогичен: это трехапсидные храмы простого варианта вписанного креста со значительно удлиненными угловыми ячейками, как в бельчицком триконхе, причем восточные отгорожены стеной от центральной ячейки, что типично в т. ч. для Чернигова. К основному объему примыкает с запада притвор (вероятно, в обоих случаях открытый внутрь), а с севера и юга — две дополнитель-

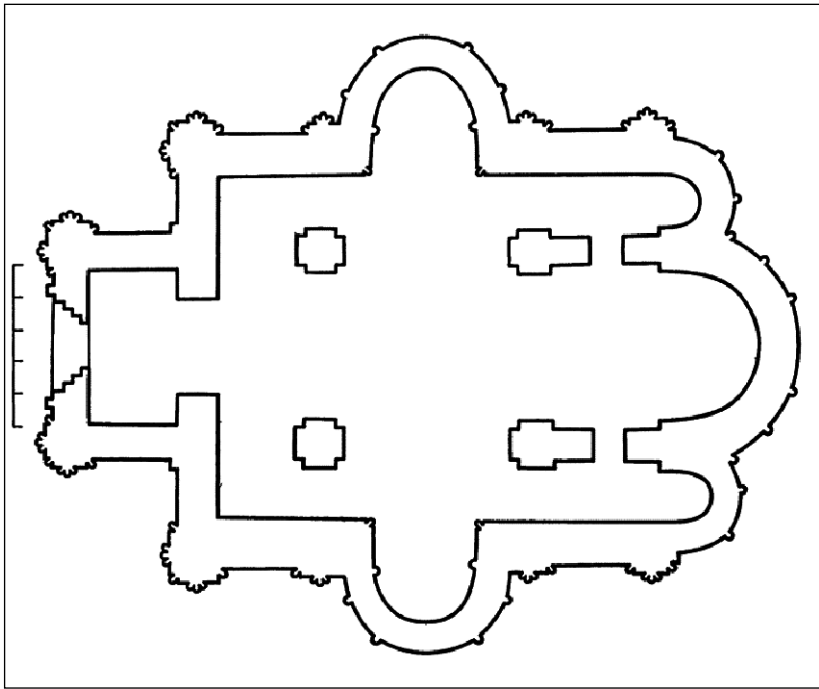

Рис. 16. Новгород-Северский, храм в Спасском монастыре, план (по Б. А. Рыбакову)

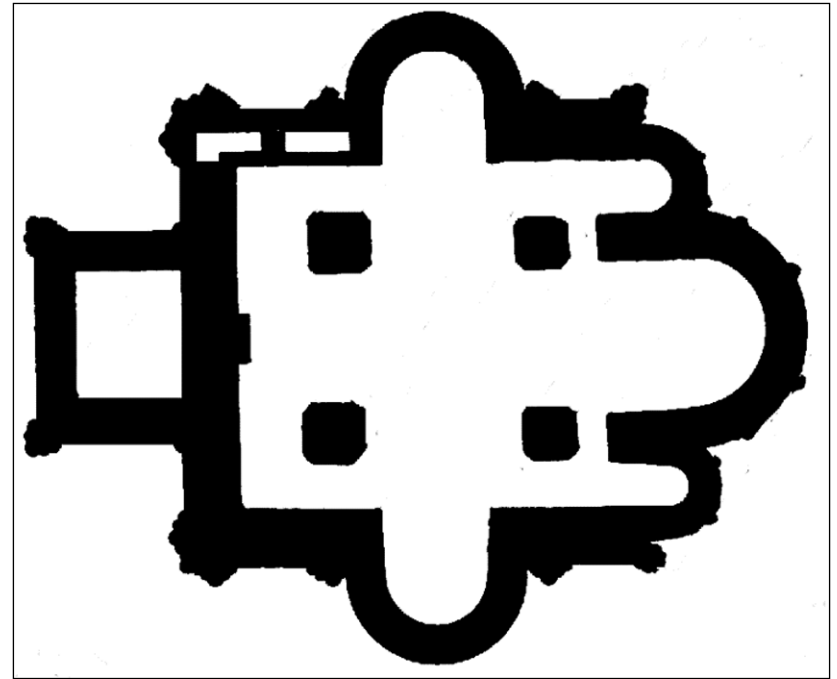

Рис. 17. Путивль, храм в детинце, план (по А. А. Карнабеду)

ные апсиды, причем внешнее и внутреннее закругление апсиды начинается только с линии фасада, из-за чего внутри они имеют U-образную форму. Идентично в обоих храмах и размещение сильно развитых пучковых пилястров и полуколонн на фасаде. Правда, в новгород-северском триконхе фасадный декор усложнен: добавлены закругленные тяги на углах и стенах северной и южной апсид, усложнен профиль пучковых пилястров.

Новгород-северский и путивльский триконхи отличаются две планировочные особенности. Первая — это U-образная внутренняя форма северной и южной апсид, которая в крестово-купольных триконхах Балкан появляется впервые в

кафоликоне монастыря Кутулмуш на Афоне (1370–1378)¹; впрочем, нельзя исключать, что U-образные северная и южная апсиды старого кафоликона (ок. 1000 г.) афонского монастыря Ксенофонт² были добавлены еще в конце XI в.³ Вторая — значительное удлинение угловых ячеек наоса (в пропорции, близкой 1:2, кроме западных ячеек в Путивле), не характерное для домонгольского зодчества Руси и встречающееся менее чем в десятке памятников⁴, из которых следует особо выделить близкие нашим храмам по декору Пятницкие церкви в Смоленске (нач. XIII в.) и особенно в Чернигове (кон. XII — первая треть XIII в.)⁵.

Последнюю объединяет с путивльским триконхом и аналогичная профилировка пилястров, и редкая форма столпов — квадратная со скошенными углами, причем идентичного размера; схожи в них и знаки на плинфе. В свою очередь, П. А. Раппопорт приписал Пятницкую церковь Чернигова артели Петра Милонегга, работавшей на князя Рюрика Ростиславича и пришедшей, возможно, из Гродно, где также известны не встречающиеся нигде более квадратные столпы со скошенными углами⁶.

Появление артели Петра Милонегга в Чернигове Раппопорт связывал с княжением Рюрика в Черниговской земле в 1210–1215 гг.⁷ Странники же гипотезы о смерти Рюрика в 1208 г. в Киеве предполагают переход его артели к победившему Рюрика представителю черниговской династии Всеволоду Святославичу Чермному, который вместе с бра-

том Глебом построил Пятницкую церковь в Чернигове¹, в пользу чего говорит наличие на плинфе Пятницкой церкви княжеских знаков старших Ольговичей. В любом случае, Пятницкая церковь была построена где-то в 1208–1217 гг. Но как мастера Пятницкой церкви могли оказаться в Путивле? Откуда пришли строители триконха в Новгороде-Северском? И, наконец, какой из этих триконхов построен первым?

Поскольку архитектурная археология не может ответить на эти вопросы, попробуем найти их решение в политической истории Черниговской земли. Как политический центр Новгород-Северский был значительно важнее Путивля: это был второй по значению стол черниговской земли, где обычно сидел старший представитель Игоревичей — младшей ветви Ольговичей, которой принадлежал и Путивль. Однако в 1206 г. или вскоре после этого и до 1226 г. Новгород-Северский оказался в руках представителей старшей ветви Ольговичей, к которой принадлежали вышеупомянутые Всеволод и Глеб Святославичи, добившиеся для представителя младшей линии Владимира Игоревича важного стола в Галиче. После его отъезда в Новгород-Северском правил сперва, очевидно, младший брат Глеба Мстислав, а с 1216 г., когда он стал Черниговским князем, его племянник Михаил и, наконец, после 1223 г. сын последнего².

Что же касается Путивля, то маловероятно, чтобы высококлассная артель строителей Пятницкой церкви в Чернигове — откуда бы они ни была — беспричинно перешла от старшей ветви Ольговичей к младшей — скорее, это Путивль оказался на некоторое время в руках старшей ветви рода. Логичней всего связать это с повторным отъездом местного князя Владимира Игоревича в Галич в 1209 г. (где

¹ *Μέσσης Β. Ναοί...* Σ. 85. Σχ. 18.

² *Ibid.* Σ. 54. Σχ. 8

³ *Μαγαλόγκος Σ.* Το καθολικό... Σ. 292.

⁴ В Св. Василии в Киеве, малом храме Зарубинец, церкви в Турове, Успенском соборе Владимира-Волынского, церкви в Василеве, храме в Новогрудке.

⁵ О них см.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура... С. 44–45, 88.

⁶ В Нижней (2 пол. XII в.), Пречистенской и Борисоглебской (кон. XII в.) церквях.

⁷ *Раппопорт П. А.* Архитектура средневековой Руси: Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. СПб., 2013. С. 145.

¹ *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003. P. 281–284.

² *Ibid.* P. 304.

он и погиб в 1211 г.): так как старший сын Владимира Изяслав также уехал княжить в Теробовль, а все Игоревичи погибли в 1210–1211 гг., кроме Олега Курского, который тогда был, очевидно, еще мал, то Путивль, как и Новгород-Северский, мог временно отойти старшей ветви Ольговичей, помогавшей Владимиру вокняжиться в Галиче. Большая близость путивльского триконха к Пятницкой церкви в Чернигове указывает на то, что он был построен вскоре после нее, т.е. где-то в 1210–1225 гг.

Очевидно, что явное сходство соседних и близких по времени триконхов в Путивле и Новгороде-Северском (см. выше), при строительстве которых работали, однако, разные строители и плинфотворители, указывает на подражание одного триконха другому. Но какой из них был построен первым, выяснить сложно: возможно и то, что старшие Ольговичи подражали в Путивле более раннему новгород-северскому триконху (как считают Вл. В. Седов и др.), построенному Игоревичами до 1206 г. или самими старшими Ольговичами после этого, и то, что в Новгороде-Северском старшие Ольговичи, в 1206–1226 гг., или Игоревичи, после 1226 г., подражали недавно построенному путивльскому триконху.

У Игоревичей контакты с Византией не известны, а вот представители старшей ветви Ольговичей с империей были связаны напрямую: в 1194 г. к Евфимии, дочери вышеупомянутого Глеба Святославича, сватался византийский «цесаревич». Кроме того, матерью Глеба и Мстислава Святославичей, правивших в Черниговской земле во второй половине 1210-х — 1220-х гг., была дочь полоцкого князя Василька Святославича и, соответственно, сестра Всеслава Васильковича, при которых, вероятно, был построен бельчицкий триконх (см. выше), близкий по форме (ср. вытянутость угловых ячеек) новгород-северскому и путивльскому. Как и в Полоцке (см. выше), здесь могло иметь место заимствование из Византии или даже из Полоцка лишь идеи

крестово-купольного триконха — возможно, как погребального храма (ср. выше, о бельчицком и северском триконхах) — которая была реализована силами местной артели. Принимая во внимание эти связи старших Ольговичей и с Византией, и с Полоцком, вероятней, что именно они заказали первый триконх на Черниговщине — в Путивле, воздвигнутый между 1215 и 1225 г. строителями Пятницкой церкви в Чернигове. Учитывая же отличие знаков на северской плинфе от знаков в Путивле, предпочтительней считать триконх в Новгороде-Северском постройкой Игоревичей, возведенной после 1226 г. (т.е. при Олеге Курском) и подражающей путивльскому триконху старших Ольговичей.

Тогда получается, что сначала в Полоцке был скопирован византийский прототип, потом в черниговской земле был построен один триконх (в Путивле?) по образцу византийского или полоцкого, а затем — в подражание ему другой (в Новгороде-Северском?), причем каждый раз триконхи строили разные мастера — на Черниговщине, явно, местные. По крайней мере, такая версия выглядит правдоподобнее, чем предполагаемое Вл. В. Седовым некое общее афонское влияние на Русь после 1204 г., о котором ничего более не известно. П. А. Раппопорт¹ предполагал, что русский зодчий триконхов или, по крайней мере, их заказчик должен был посещать Афон, однако, как кажется, здесь вполне достаточно и знакомства заказчика с неким крестово-купольным триконхом, причем совсем не обязательно именно афонским — им мог быть и константинопольский, и малоазийский триконх, а для черниговских храмов — даже триконх Бельчиц. Более того, в отличие от подавляющего большинства афонских триконхов, русские триконхи — крестово-купольные храмы не сложного, а простого (без вим) типа, которые мы встречаем как раз в Малой Азии.

¹ См.: *Раппопорт П. А. Архитектура средневековой Руси... С. 71–72, 120–121.*

Наконец, храм в Путивле — городской собор, а монастырский характер бельчицкого и новгород-северского триконхов в домонгольское время весьма сомнителен, что, опять же, ставит под вопрос концепцию афонского влияния на них.

Заключение

Итак, наш обзор крестово-купольных триконхов вне Балкан показал, что этот архитектурный тип фиксируется и в других областях византийского мира, причем одновременно с первыми афонскими триконхами или даже раньше. Несомненно присутствие крестово-купольных триконхов в Малой Азии (Исламкёй в Писидии и Сарыджа Килисе в Каппадокии), причем с местными модификациями (в карийской Афродисиаде). При этом все эти анатолийские памятники вряд ли могут происходить от афонских триконхов и по хронологии, и потому, что имеют в основе план простого, а не сложного вписанного креста (в кафоликоне же Великой Лавры совсем другая форма опор). Эта черта отличает их и от крестово-купольных триконхов Закавказья, как доарабских армянских, так и послеарабских картвельских. В Исламкёе конструкция (разделка апсид тремя полукруглыми нишами, сплошные карнизы, в т. ч. под окнами) и декорация (*opus mixtum*, ниши типа *ceil de voeuf*) указывают на Константинополь как родину их мастеров.

В самой столице крестово-купольные триконхи также, по всей вероятности, существовали. При этом обе известных нам постройки такого типа относятся к одному и тому же времени и были сооружены по заказу императора Феофила (829–843) для его дворцов: Большого Константинопольского и Вриантского, отсылая к античной традиции дворцовых залов. Первая была светским залом для приемов, возможно, сложного извода вписанного креста, а вто-

рая — дворцовым патрональным храмом, с двумя дополнительными алтарями в боковых «нефах». Во втором случае создание триконха во дворце «на арабский лад» связывается с именами зодчего Патрика и будущего патриарха Иоанна Грамматика.

Именно Константинополь, где могли быть представлены как сложный, так и простой вариант крестово-купольного триконха, и стал, вероятно, центром распространения этого типа по империи. На Балканах доминирует его сложный извод, хотя простой также присутствует с раннего времени (кафоликон Великой Лавры на Афоне); в Малой Азии мы видим только второй. Последний вариант попадает и на Русь, где впервые мы видим крестово-купольный триконх в Бельчицах под Полоцком. В первой трети XIII в. еще два крестово-купольных триконха, под влиянием Византии или Бельчиц, возникают в Черниговской земле (в Новгороде-Северском и Путивле). При этом во всех трех случаях мы видим в остальных параметрах сходство триконхов с местными храмами типа вписанного креста, т. е., по всей видимости, византийская идея была реализована преимущественно местными мастерами в рамках локальной архитектурной традиции, методом трансформации региональных храмовых типов, что объясняет в т. ч. некоторые странности (например, проходы в боковых апсидах в Бельчицах, U-образную форму боковых апсид на Черниговщине). Полоцкий храм мог быть дворцовым (как Вриантский) или погребальным, а черниговские были, по всей видимости, городскими соборами.

Итак, для крестово-купольных триконхов Балкан, Малой Азии и Руси архитектурным источником был, по всей вероятности, Константинополь. Но в этой связи возникает другой вопрос: как и когда появился этот тип в самой столице? Существовал ли он до Феофила и как соотносится с армянскими крестово-купольными триконхами VII в.: собором в Двине (640-е гг.) и копирующем его собором в

Талине (2 пол. VII в.)¹? Армянские храмы принадлежат к сложному изводу данного типа и демонстрируют ряд специфических особенностей. Часть их (например, изолированные пастофории и обязательные боковые входы) может быть объяснена общими приемами доарабской армянской архитектуры. Значительное удлинение по оси запад-восток объясняется тем, что триконх в Двине был построен на основаниях старой базилики, а в Талине — копированием двинского собора. Важно также отметить, что дополнительные боковые апсиды воспринимались здесь как обособленные, непроходные компартименты (что привело к устройству боковых входов по сторонам от них).

Поднятый выше вопрос усложняется тем обстоятельством, что не ясно и происхождение планов данных армянских соборов². Теоретически здесь рассматривалось два пути, причем оба эволюционистские. Первый — усечение на одну апсиду (западную) и удлинение по оси запад-восток плана Эчмиадзина-Багарана. Этому, однако, противоречат высокая степень центричности такого плана и восприятие в нем дополнительных апсид как проходных компартиментов. Второй путь — наоборот, добавление боковых апсид к плану типа вписанного креста типа Багавана-Мрена. Однако в таком случае сложно объяснить происхождение этих апсид: в плане Эчмиадзина-Багарана, как указывалось выше, они проходные, равно как и в других значительных типах с дополнительными боковыми апсидами (типе Авана-Рипсиме и типе Мастары).

Эта «непроходимость» боковых апсид говорит в пользу того, что данный тип имеет общее происхождение с византийскими крестово-купольными триконхами, где проходы в них — редкое исключение (см. выше). По мнению армян-

ских историков архитектуры, в пользу связи плана Двина с Византией говорит и нетипичное для Армении устройство прохода из пастофориев в центральную виму, а не в «неф»¹. Кроме того, в византийском мире план крестово-купольного триконха мог легко удлиняться или укорачиваться по оси запад-восток (см. выше), что объяснило бы его удлинение в Армении VII в. Наконец, о существовании такого крестово-купольного триконха на ранневизантийском Востоке говорит его появление и трансформация в Нубии начала VIII в. (см. выше).

Таким образом, можно осторожно предположить, что и тип крестово-купольного триконха был принесен в Армению из Византии, вероятно, католикосом Нерсесом III Строителем, ориентировавшимся при восстановлении своего собора в Двине на какой-то важный сирийский образец, как и в случае Звартноца. Эта предполагаемая сирийская традиция крестово-купольных триконхов могла стать основой и для усложненного его варианта в омейядском дворце, построенном при участии греческих зодчих. В свою очередь, тот повлиял, вероятно, на константинопольское зодчество эпохи Феофила, когда этот тип и появился в столице, чтобы затем, самое позднее, с X в., перейти и в другие провинции империи.

С другой стороны, эти сирийские крестово-купольные триконхи находят ближайшую параллель в крестово-купольных тетраконхах, аналогичных по устройству и восходящих, очевидно, к раннему образцу, которые распространены как в доарабской Армении (Багаран), так и, с IX в. на Западе, где они порой приобретают форму триконхов (перестройка Сан-Сатино в Милане, храм в монастыре делла Пустерия в Павии)². То обстоятельство, что все эти храмы

¹ Казарян А. Ю. Церковная архитектура... Т. II. С. 479–491; Т. III. С. 146–183.

² К сожалению, А. Ю. Казарян обошел молчанием этот сложный вопрос в своем фундаментальном труде об армянской архитектуре VII в. (Там же).

¹ Там же. Т. II. С. 481.

² См.: *Dimitrokallis G.* Osservazioni sull'architettura di San Satiro a Milano e sull'origine delle chiese tetraconche altomedioevali // *Archivio storico lombardo*. Vol. 95. 1968. P. 127–140.

относятся к простому изводу вписанного креста, говорит в пользу первичности этого варианта и для византийских крестово-купольных триконхов — их сложный извод выработался уже в столичной или даже балканской традиции средневизантийской архитектуры.

Итак, на примере крестово-купольного триконха мы видим всю сложность и неоднозначность процесса формирования новой архитектурной идентичности империи после окончания «темных веков». Подражая залам арабских дворцов, Иоанн Грамматик и зодчий Патрикий строят для императора Феофила два таких триконха, причем один как парадный зал дворца, а другой как семейный храм. Легко опознанный как греко-римский по своему происхождению и потому воспринятый столичной архитектурой, крестово-купольный триконх быстро модифицируется, демонстрируя разные изводы (с вимами и без них), и распространяется по империи, как на запад (Афон и затем Греция и Сербия), так и на восток (Каппадокия, Писидия) и на север (Русь). Попадая на новую почву, этот тип храма зачастую становится маркером локальной архитектурной идентичности (на Афоне, в «моравской школе», в Кепез Дерё, на Черниговщине), но зачастую теряет со временем связь со своим константинопольским прототипом и «врастает» в традиции местного зодчества. Не став доминирующим нигде, кроме Афона, крестово-купольный триконх демонстрировал в провинциях и на периферии Византии скорее архитектурную связь со столицей и ее престижными постройками, а через это — с античным и ранневизантийским культурным наследием.

Михалис Каппас

АРХИТЕКТУРНЫЙ «ИДИОЛЕКТ» ФЕССАЛОНИКИ В СРЕДНЕ- И ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕРИОДЫ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ С КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

В 1916 г., в рамках своего фундаментального труда по «элладской школе», знаменитый византинист Габриэль Милле предпринял первую попытку разделить византийскую архитектуру по отдельным географическим областям, базируясь на их типологических, морфологических и структурных характеристиках¹. Опираясь главным образом на свои пионерские исследования сотен византийских памятников, которые Милле осмотрел во время своих многочисленных путешествий по Греции, Турции и Балканам, он выделил две основные школы: константинопольскую и греческую, или точнее «элладскую»². Под термином «школа» он подразумевал скорее нечто подобное косяку рыб (которые объединяются вместе на основе своего сходства), чем образовательное учреждение:

¹ *Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.*

² *Vocotopoulos P. L. The Role of Constantinopolitan Architecture during the Middle and the Late Byzantine Period // JÖB. 1981. Bd. 31/2. S. 558. Anm. 30.*

Резюме

Магдалино П. (Сент-Эндрюсский университет). **Каппадокия и Константинополь в VI в.**

Работа представляет собой разбор конкретного примера византийского регионализма, понимаемого здесь как политическое влияние провинциальной области на центральный режим управления государством. Каппадокия (широко понимаемая) в период поздней Античности воздействовала на Константинополь благодаря славе трех своих уроженцев, Отцов Церкви Василия Кесарийского, Григория Нисского и Григория Назианзина, а также благодаря находившимся там обширных императорских владений, предназначенных для разведения крупного рогатого скота. С VII до X в. Каппадокия являлась центральным сектором сильно милитаризованной восточной пограничной зоны. В этом качестве она стала домом для военной элиты, которая приобрела влияние, а на короткое время даже овладела императорской властью в X в. Между этими двумя фазами, накануне арабского завоевания, этот район приобрел краткую, пусть и преувеличенную дурную славу как место рождения императоров. Главной причиной стал император Маврикий (582-602), чье происхождение из Арабисса в восточной Каппадокии ярко контрастировало с европейским, по большей части балканским происхождением предшествующих императорских династий. Маврикий поднялся к власти при поддержке обширного каппадокийского землячества в администрации фиска, а консолидировал он свою власть путем систематического продвижения собственных родственников. Их массовое обогащение, равно как дорогостоящую перестройку Арабисса, которые легли тяжким бременем на имперский бюджет, несомненно способствовали непопулярности Маврикия и его свержению.

Бергер А. (Мюнхенский университет Людвига и Максимилиана). **«Переработка» Константинополя**

В статье исследуется использование спойлий в средневековом Константинополе при перестройке Большого дворца и нескольких церквей в IX в., при сооружении поздневизантийской крепости рядом с Золотыми воротами и в декорации самих ворот X в. Обсуждается также использование древних саркофагов для императорских захоронений, и ставится вопрос о том, существовала ли в византийском Константинополе идея историзирующей архитектуры.

Четинкая Х. (Университет изящных искусств Мимара Синана, Стамбул). **Погребальные компартименты в монастыре Пантократора**

Недавняя реставрация монастырского комплекса Пантократора открыла невероятно важные данные, неизвестные до проведения этих работ. Среди них субструкция под северной церковью в форме базилики и наполовину раскопанный погребальный храмик, пристроенный к южной церкви. Среди прочего, эти новые находки указывают на вероятные места захоронения духовенства и членов императорской семьи в юго-западной части церковного комплекса.

Нивенер Ф. (Геттингенский университет Георга-Августа). **Христианское искусство как провинциальное. «Центральность» провинциальных традиций в раннехристианских церковных постройках**

Здания позднеантичных и раннехристианских церквей отличаются значительно большим разнообразием в зависимости от провинции и региона, чем более раннее римское или более позднее византийское искусство и архитектура. Большинство раннехристианских церквей было более привержено местным традициям, чем стремлению подражать Риму или Константинополю, «Новому Риму». Эта «центральность» провинций, как кажется, стала сущностной чертой раннехристианского искусства, которая отличает его от более однородного искусства более раннего римского и более позднего византийского периодов. В то время как романизация проложила путь для христианизации, большинство раннехристианских церковных построек, отражало скорее

локальную идентичность, чем преданность Риму или Константинополю. Достигнутое разнообразие было вновь потеряно после падения пан-средиземноморской державы, когда Византийская империя сократилась до территории чуть больше, чем Малая Азия, а иконоборческие споры повлекли за собой стандартизацию православного искусства.

Виноградов А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). **Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный триконх и новая архитектурная идентичность империи**

Вопрос о происхождении триконха «афонского типа» — храма типа вписанного креста на 4 свободно стоящих опорах с дополнительными апсидами с юга и севера, до сих пор вызывает бурную полемику в научном мире. Цель настоящей статьи — привлечь внимание к памятникам такого типа вне Балкан. Весьма вероятно, что такую форму имели зал Триконха и храм архангела Михаила, построенные для императора Феофила Иоанном Грамматиком и зодчим Патрикием, возможно, по арабскому образцу, который, в свою очередь восходит к позднеантичным моделям. Ранние храмы такого типа в Малой Азии: Исламкёй и Сарыджа Килисе, относящиеся к началу X в., показывают его общеимперский и «престижный» характер, который привел к его распространению не только на Балканы, но и на Русь.

Каннас М. (Эфорат древностей Мессении, Каламата). **Архитектурный «идиолект» Фессалоники в средне- и поздневизантийские периоды: сходства и различия с Константинополем**

Автор постарался сосредоточиться на наиболее важных сохранившихся памятниках Фессалоники, относящихся к средне- и поздневизантийскому периодам, и, учитывая, что их сходство уже было достаточно подчеркнуто, обратил внимание на то, в чем они отходят от константинопольских практик. Фессалоника, действительно, находилась под большим влиянием архитектуры столицы, чем любой другой город Греции. И все же, более внимательное изучение структурных и морфологических аспектов показывает, что еще в средневизантийский период городские строительные артели смогли ассимилировать константинополь-

ские особенности и по-своему истолковать их, вероятно, исходя из местных архитектурных традиций, коренившихся в строительной деятельности «переходного периода». В последующие века и, прежде всего, около 1300 г., фессалоникские мастера умело объединяли морфологические элементы из своего богатого местного архитектурного наследия с техниками и решениями, происходящими в основном из Константинополя, а также и из других художественных центров, в основном из Эпирского деспотата или Никейской империи. Этот творческий сплав придал архитектуре Фессалоники особую индивидуальность, ярко отражившуюся в десятках памятников, приписываемых фессалоникским мастерам.

Захарова А. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). **Искусство X века: Константинополь и Каппадокия**

В статье рассматриваются основные направления стилистического развития византийской живописи X в. Анализируются росписи пещерных храмов Каппадокии в сравнении с произведениями столичного искусства — иллюстрированными рукописями и фрагментами мозаик. Среди каппадокийских ансамблей X в. выделяются два, в которых влияние столичного искусства наиболее сильно: это росписи церковью Кыльчлар и особенно Новой Токалы в Гёреме. Прослеживается развитие художественных процессов, получивших в Каппадокии новый мощный импульс благодаря появлению этих ансамблей в первой и второй половине X в. соответственно, а также выясняется соотношение местной живописи с основными тенденциями этого времени в искусстве Константинополя и Византии в целом.

Уяр Т. (Университет Хаджи Бекташ Вели, Невшехир). **Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском сакральном пространстве: новое открытие Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия)**

«Византийские» росписи Безирана Килисе не исключение для каппадокийского искусства конца XIII в., жившего под властью мусульман, поскольку они были выполнены тем же мастером, что работал на другом памятнике конца XIII в. — Юксекли Килисе. Более того, артель Безираны-Юксекли связана также с другой

группой близко родственных росписей второй половины XIII в. И хотя они не столь исключительны, как росписи Безираны и Юксекли, эти фрески стремятся воспроизвести поздневизантийскую тенденцию к усложнению визуальных, текстуальных, коммеморативных и молитвенных действий в сакральном пространстве. Комплексное исследование живописных программ в позднесредневековой Каппадокии показывает, как оформление сакрального пространства включало в себя установление тесных связей между усопшими и живыми (клириками и мирянами), так же как и между декорацией, поминовением и идеей заступничества, тем самым воспроизводя процесс формирования византийской культурной идентичности. Таким образом, систематическое изучение сакрального характера этих церковных пространств меняет общепринятое представление о центре и периферии в искусстве и о локальной идентичности Каппадокии в противовес остальной части Византийской империи в культуре рассматриваемого периода. И хотя скульптурная, фресковая и текстуальная среда Безирана Килисе — это продукт «поствизантийского» социального и культурного контекста, в результате оказывается, что она представляет собой пример одного из самых изысканных и роскошных поздневизантийских сакральных пространств.

Иванов С. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). **Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе**

«Книга Паломник» рассматривается в статье как результат столкновения двух подходов: стандартного нарратива, предлагавшегося экскурсоводом по Константинополю, и ответов этого экскурсовода на нестандартные вопросы, которые задавал ему Антоний. «Голос» гида хорошо различим не только благодаря вкрапленным в древнерусский текст грецизмам (их число значительно больше, чем это казалось его издателю Х. Лопареву), но также по причине множества стереотипных экскурсоводческих приемов, которые аккуратно воспроизведены автором. Однако в некоторых местах паломник явно прерывает гида и задает содержательные вопросы, на которые тот вынужден отвечать, нарушая свой накатанный план. Такой перформативный анализ памятника позволяет разрешить некоторые загадки «Книги Паломник», среди прочего топографические.

Даскас Б. (Университет Ка Фоскари, Венеция). **«Venetia hebbe principio per la destrution della grande Trogia». Миф о Венеции как alterum Byzantium**

Предметом работы являются взаимоотношения между Византией и Венецией, какими они предстают в так называемом «мифе о Венеции», то есть наборе легенд, извлекаемых из венецианских историографических и риторических сочинений. В этих легендах видно, как формируется вымышленное прошлое города. На протяжении своей истории Венеция имела тесные и сложные связи с Византией: пытаясь легитимировать свои торговые и экономические амбиции по всему Средиземноморью, она опиралась на авторитет столицы Восточной Империи.

Использование Византии как точки отсчета в венецианской культурной политике и искусстве (ср. базилику Сан-Марко) было очевидно в течение многих веков — и тем не менее, как бы ни развивались легенды о возникновении города, присутствие Византии затушевывается и сводится почти к нулю. Лишь в XIII в. такое отношение меняется: обеспечив (в результате Четвертого Крестового похода в 1204 г.) свое присутствие в Леванте, Венеция начала вводить новые элементы в творческую реконструкцию собственного прошлого; теперь ее гражданская мифология проникнута закамуфлированными намеками на Византию. Одним из традиционных мотивов этой мифологии, касающийся основания города, стала троянская легенда. Блистательный образец античного города Трои был на руку венецианской политической репрезентации и пропаганде. Всякий раз целью его использования было обоснование нынешнего процветания Венеции и провиденциального характера ее истории в противоположность ее конкурентам: Падуе, Риму, Константинополю. После Четвертого Крестового похода, легенда о пожаре и разорении древней Трои и о бегстве ее жителей на Лагуну стала хитроумно соединяться с хронологическими выкладками об основании Венеции, которые намекали на тот момент, когда суверенитет дожей над частью земель бывшей Византийской империи был официально признан в документах. Так возник образ Венеции как наследницы βασιλεύουσα τῶν λόρων, Константинополя. Тем самым, уже в тринадцатом веке, как прямое следствие кампании 1204 г., во всех своих основных компонентах появилась концепция византийской преемственности Венеции,

тот самый миф о «Венеции как *другой Византии*», как позднее, пятнадцатом столетии, назвал это кардинал Виссарион.

Черноглазов Д. (Санкт-Петербургский государственный университет). Письмовники и собрания образцовых писем: эпистолярная теория в эпоху Палеологов

Цель настоящей статьи — охарактеризовать письмовники и собрания образцовых писем, бытовавшие в Византии в эпоху Палеологов. Известный нам материал можно разделить на три класса. Первый класс включает трактаты, в которых письма классифицируются по цели и содержанию. Эти пособия использовались преимущественно как школьные учебники. Второй класс составляют сборники подлинных и (иногда) фиктивных писем, распределенных по тому же принципу. В третий класс входят собрания писем и формуляров, распределенных по социальному положению автора и адресата, которые служили практически пособиями по ведению деловой переписки. Если сборников второго класса сохранилось немного, то первый и третий, напротив, широко представлены в рукописях: пособия этих двух типов были весьма востребованы как в столице, так и в провинции. Византийская эпистолярная теория отличалась консерватизмом: различные жанровые формы письмовников существовали и развивались независимо друг от друга — нам известно крайне мало случаев, когда в одном сборнике соединялись разные методы классификации эпистолярного материала.

Summaries

Magdalino P. Cappadocia and Constantinople in the Sixth Century

This paper is a case study in Byzantine regionalism, here understood as the political impact of a provincial area on the governing regime of a centralised state. Cappadocia, broadly defined, impinged on Constantinople in Late Antiquity by the fame of its three native Church Fathers (Basil of Caesarea, Gregory of Nyssa and Gregory of Nazianzos) and by the presence of large imperial estates devoted to stock rearing. From the seventh to tenth centuries, Cappadocia was the central sector in the empire's heavily militarised eastern frontier zone, and as such the home of a military elite who became influential and briefly dominant in imperial politics during the tenth century. Between these two phases, on the eve of the Arab conquest, the region enjoyed a brief if exaggerated notoriety as the birthplace of emperors. This was mainly due to the emperor Maurice (582-602), whose origins in Arabissos in eastern Cappadocia contrasted sharply with the European, mainly Balkan, provenance of previous imperial dynasties. Maurice rose to power on the back of a large Cappadocian network in the fiscal administration, and he consolidated his power by the systematic promotion of his family. Their massive enrichment, as well as the expensive rebuilding of Arabissos, at a time of great strain on the imperial budget, undoubtedly contributed to Maurice's unpopularity and overthrow.

Berger A. Recycling Constantinople

This paper investigates the use of spolia in mediaeval Constantinople in the rebuilding of the Great Palace and several churches in the ninth century, in the late-Byzantine construction of a fortress near

the Golden Gate, and the tenth-century decoration of the gate itself. It also discusses the use of older sarcophagi for imperial burials, and addresses the question whether the concept of a historicising architecture existed in Byzantine Constantinople.

Niewöhner Ph. **Christian art as provincial art. The centrality of the provinces in early Christian church building**

Late antique or early Christian church building appears to have been significantly more varied from province to province and region to region than earlier Roman or later Byzantine art and architecture. Most early Christian churches adhered to local traditions rather than emulating Rome or Constantinople, the 'New Rome'. This centrality of the provinces would seem to constitute an essential trait of early Christian art that sets it apart from the more integrated arts of the earlier Roman and later Byzantine periods. Whilst Romanisation may have paved the way for Christianisation, most early Christian church buildings appear to express local identities rather than allegiance to Rome or Constantinople. The resultant variety was abolished again after the collapse of pan-Mediterranean rule, when the Byzantine empire was reduced to little more than Asia Minor and the Iconoclast controversy resulted in a standardisation of Orthodox art.

Çetinkaya H. **Funeral spaces in Pantokratotr monastery**

Recent restorations on the Pantokrator monastic complex yielded enormous results unknown prior to the excavation-restoration activity. These include a substructure below the Northern church in the shape of the church above; an annexed funeral chapel, half excavated, attached to the Southern church. Among other novelties on site observations indicate a probable burial ground for the clergy and imperial family members in the Southwestern part of the church complex.

Vinogradov A. **Athonite church or Arabian palace? Cross-in-square triconch and the new architectural identity of the Empire**

The question of the origin of the triconch of "Athonite type" — an inscribed cross on 4 free-standing supports with additional apses from the south and north — still causes a heated debate in the scholarship.

The purpose of this article is to draw attention to monuments of this type outside the Balkans. It is very likely that the Triconch hall and the church of the Archangel Michael, built for the Emperor Theophilos by Ioannes Grammatikos and the architect Patrikios, had probably such a plan, possibly following an Arabic model, which, in turn, goes back to the Late Antique examples. The early churches of this type in Asia Minor (Islamköy and Sarica Kilise), dating to the early 10th century, show its common and "prestigious" character, which led to its spread not only to the Balkans, but also to Russia.

Kappas M. **The architectural idiom of Thessaloniki during the Middle and Late Byzantine Periods: similarities and differences from Constantinople**

In this essay the author attempts to focus on Thessaloniki's most important standing monuments from the Middle and Late Byzantine periods, and, given that their similarities with Constantinople have already been highlighted enough, I shall stress where they depart from Constantinopolitan practices. Thessaloniki was indeed more influenced by the architecture of the capital than any other city in Greece. Nevertheless, a closer examination of the structural and morphological data reveals that as early as the Middle Byzantine period the city's building workshops had managed to assimilate Constantinopolitan features and treat them in their own way, probably based on the local architectural tradition, which had its roots in the construction activity of the Transitional period. In subsequent centuries, and above all around 1300 the Thessalonian master builders skilfully merged morphological elements from their rich local architectural heritage with practices and solutions originating mainly in Constantinople but also from other artistic centres, basically from the Despotate of Epirus or the Nicaea of the Laskarids. This creative osmosis gave the architecture of Thessaloniki its own peculiar identity, vividly captured in the dozens of monuments attributed to the activity of Thessalonian craftsmen.

Zakharova A. **Byzantine art of the 10th c.: Constantinople and Cappadocia**

The paper investigates some major tendencies in the 10th century Byzantine painting. The author analyzes some wall paintings in the

cave churches of Cappadocia in comparison to the works of metropolitan art, such as illuminated manuscripts and fragments of mosaics. Two 10th century Cappadocian ensembles stand out as they show the strongest metropolitan influence: Kılıçlar church and especially the New Tokalı church in Göreme. The paper explores how the impulse given by these ensembles was further developed in local milieu in the first and in the second half of the 10th century respectively and to what extent the painting style in Cappadocia corresponded to the general lines of development in the art of Constantinople and Byzantium on the whole.

Uyar T. B. Carving, Painting, and Inscribing Sacred Space in Late Byzantium: Bezirana Kilisesi Rediscovered (Peristrema-Cappadocia)

The “Byzantine” paintings of Bezirana Kilisesi are not exceptional in late thirteenth-century Cappadocian artistic production under Islamic rule, as they were executed by the same artist who also worked on another late thirteenth-century monument, Yüksekli Kilise 1. Furthermore, the Bezirana/Yüksekli workshop is also linked to another group of closely interconnected murals in the second half of the thirteenth century. Although not as exceptional as the paintings of Bezirana/Yüksekli, these similar paintings aspire to reproduce late Byzantine fashions in regard to complex visual, textual, commemorative, and intercessory performances within the sacred space. A comprehensive investigation across the late medieval painted programs in Cappadocia shows how the fashioning of sacred space involved forging close links between the deceased and the living (both clerics and laypeople), as well as between decoration, commemoration, and the idea of protection, thus replicating the construction process of late Byzantine cultural identity. A systematic inquiry into the sacred character of these church spaces thereby challenges commonly accepted notions of center and periphery in the cultural production and communal identity of Cappadocia in opposition to the rest of the Byzantine Empire at this period. Although the carved, painted, and inscribed environment of Bezirana Kilisesi is a product of the “post-Byzantine” social and cultural context, the result represents one of the finest and most opulent late Byzantine sacred spaces.

Ivanov S. Anthony of Novgorod and His Byzantine Guide

In this article, “Kniga Palomnik” is analyzed as an entwinement of two different formats: a standard narrative offered by a guide through Constantinople, and his answers to Anthony’s unexpected questions. The guide’s “voice” is clearly discernible thanks to the Graecisms popping up in the Old Russian text (they appear to be more numerous than Chr. Loparev, the publisher of the text, thought), but also due to numerous stereotyped “tour-guide gimmicks” that are accurately reproduced by the author. Yet, in some cases the pilgrim obviously interrupts the guide by asking meaningful questions that the guide has to answer, thus breaking off his smooth flow of speech. A performative analysis helps clarify some unresolved problems posed by “Kniga palomnik”, including the topographical ones.

Daskas B. ‘Venetia hebbe principio per la destruction della grande Trogia’. A note on the myth of Venice as alterum Byzantium

The issue in this paper is the relationship between Byzantium and Venice as elaborated in the so-called ‘myth of Venice’, the repertoire of legends found in Venetian historiographical and rhetorical writings, which molds and fabricates the city’s past. Over the course of its history, Venice developed strong and complex ties to Byzantium, drawing on the authority of the eastern imperial capital to legitimize its trade and economic ambitions across the Mediterranean. Even if the use of Byzantium as a reference point in Venetian cultural politics and artistic production (e.g. the Basilica of San Marco) has been evident across the centuries, within the shifting patterns of its legends of origin, its presence is apparently dissimulated, almost reduced to absence. It is during the thirteenth century that this attitude changes: having consolidated its role in the Levant as a result of the Fourth Crusade (1204), Venice proceeded to introduce into the creative reconstruction of its past new elements, overlaying its civic mythology with veiled references to Byzantium. One of the traditional motifs of this mythology, about the city’s founding, is the Trojan legend. The illustrious model of the ancient city of Troy panders to Venice’s shifting political orientations and propaganda, and aims at outlining, each time, paths that justify the prosperity of the city’s present and its providential history as opposed to its rivals (Padua, Rome, Constantinople). In the aftermath of the Fourth Crusade, the legend about the fire and sack of the

ancient city of Troy and the ultimate flight of its inhabitants to the Lagoon, combined with an ingenious chronological reference for the city's founding that hints at the moment when the Dogal sovereignty over part of the territories of the former Byzantine empire is officially acknowledged in documents, shows a script of power politics that has Venice as heir of the βασιλεύουσα τῶν πόλεων, Constantinople. It is therefore as early as the thirteenth century that the concept of the Byzantine heritage of Venice — the myth of 'Venice as *alterum Byzantium*' as Cardinal Bessarion, later in the fifteenth century, put it — was laid down in its essential components, as a direct consequence of the *impresa* of 1204.

Chernoglazov D. **Letter writing manuals and model letter collections: epistolary theory in the Palaeologan period**

The aim of the present paper is to characterize the letter writing manuals and model letter collections, which were used by the Byzantines during the Palaeologan period. The extant material is divided into three groups. The first group includes theoretical treatises going back to the late antique tradition. In these treatises, which were used primarily as school textbooks, letters are classified according to their purpose and content. The second group includes collections of authentic letters, sometimes mixed with fictitious ones, where the material is distributed according to the same principles as in the treatises of the first group. The third group, much more extensive than the second, includes collections of letters and forms, which are sorted according to the social status of the author and the addressee. Basically, these collections served as practical manuals for official correspondence. The second group is poorly represented in manuscripts. The first and the third, on the contrary, have an extensive manuscript tradition: the treatises of these groups were very common both in the capital and in provinces. Byzantine epistolary theory is conservative: different subgenres of letter writing manuals exist and develop independently, there are almost no texts at our disposal where different methods of letter classification are combined.

Список иллюстраций

К статье А. Бергера

Рис.

1.1. Морская стена под Большим дворцом (по: *Mamboury E., Wiegand Th.* Die Kaiserpaläste von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. Taf. XV).

1.2. Фасад дворца Вуколеонт (по: *Bardill J.* Visualizing the Great Palace at Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft / Ed. by F. A. Bauer. İstanbul, 2006. P. 5–45. Fig. 9).

1.3. Мраморное навершие из дворца Топкапы (по: *Mango C.* Three imperial Byzantine sarcophagi discovered in 1750 // *Dumbarton Oaks Papers.* 1962. Vol. 16. P. 397–402. Fig. 1).

1.4. Золотые ворота (по: *Mango C.* The Triumphal Way of Constantinople and the Golden Gate // *Dumbarton Oaks Papers.* 2000. Vol. 54. P. 173–188. Fig. 9).

К статье Х. Четинкая

Рис.

2.1. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парэкклисием. Аксонометрия.

2.2. Место находки скелета.

2.3. План комплекса.

2.4. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парэкклисием. Вид с востока.

2.5. Возможный вид церковного комплекса с недавно открытым южным парэкклисием. Вид сверху.

Илл.

1.1. Монограммы внутри конической сени мимбара.

1.2. Новооткрытый парэкклисий при церкви Пантократора.

- 1.3. Пята архивольта.
- 1.4. Следы фрески в окне.
- 1.5. Субструкция под северной церковью Богородицы Элеусы.

К статье Ф. Нивенера

Рис.

10. Реконструкция типичного фригийского амвона из Центральной Анатолии (А. Тиль).

Илл.

2.1. Неф базилики А в Ресафе (Месопотамия), вид на северо-восток: на переднем плане большая бема, слева за ней — широкая аркада, подпертая малыми арками на колоннах (вторичный ремонт), а справа — апсида с синтроном.

2.2. Нартекс Св. Михаила в Гермии (Галатия в Центральной Анатолии), вид на юго-запад. Пол первого яруса засыпан слоем в несколько метров. Пол верхнего яруса (хор) виден выше (фото Р. Вьечорека)

2.3. Пристройка с мощами и погребениями в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия в Южной Анатолии) (совр. Асарджик Запад), вид на север.

2.4. Высеченный в скале триконхиальный алтарь в монастыре Св. Сиона (Ликия) (совр. Аладжахисар), вид на восток. Конха апсиды украшена большим крестом.

2.5. Ошибочная реконструкция амвона из базилика А в районе Беязид в Консатнтинополе (Стамбул) (в саду у Св. Софии): верхняя площадка отсутствует и должна была находиться между колонками и парапетом.

2.6. Малый амвон с одной лестницей из базилики Ахиропитос в Фессалонике, ныне в Музее византийской культуры (инв. № АГ744).

2.7. Амвон в соборе Равенны (Северная Адриатика), пожертвованный епископом Агнеллом (557–570).

2.8. Монолитная лестница амвона с нишей и побегамми лозы, найденная близ Милета (Кария в Западной Анатолии), ныне в Музее Милета.

2.9. Монолитная крещальная купель в Дёгере (Фригия в Центральной Анатолии).

2.10. Камень для рычага винтового пресса в Археологическом музее Чорума (Центральная Анатолия).

2.11. Реконструкция вида с птичьего полета (с юго-востока) Базилики с трансептом и мартирия на некрополе у стен Милета (Кария) (С. Джезе).

К статье А. Виноградова

Рис.

11. Сарыджа Килисе, план (по Г. Ротту).

12. Исламкей, вид на храм с юго-востока (фото Г. Ротта)

13. Исламкей, план храма (реконструкция Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова)

14. Афродисиада, триконх на тетракионии, план (по О. Далгичу)

15. Полоцк, триконх в Бельчицком монастыре, план (по П. А. Раппорту)

16. Новгород-Северский, храм в Спасском монастыре, план (по Б. А. Рыбакову)

17. Путивль, храм в детинце, план (по А. А. Карнабеду).

К статье М. Капаса

Рис.

18. Планы церквей в Фессалонике: 1. Панагия тон Халкеон; 2. церковь св. Пантелеимона; 3. храм св. Екатерины; 4. церковь свв. Апостолов; 5. церковь Преображения близ Камары; 6. церковь пророка Илии; 7. церковь свв. Таксиархов; 8. церковь св. Николая Орфаноса; 9. монастырь Влатадон (по П. Милонасу).

19. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, план (по Г. Фустерису).

20. Артикуляция фасадов: а) Панагия тон Халкеон; б) Мирелейон (по Г. Ниносу).

21. Фессалоника, монастырь Влатадон, план (по Г. Ниносу).

22. План церквей с галереями в Фессалонике: а) храм св. Пантелеимона; б) храм св. Екатерины; в) храм свв. Апостолов (по С. Чурчичу).

23. Фессалоника, придел св. Евфимия, план (по Г. Фустерису).

24. Фессалоника, церковь св. Илии, план (по Г. Веленису).

Илл.

3.1. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, вид с северо-востока (фото М. Капаса).

3.2. Фессалоника, Панагия тон Халкеон, южный барабан под главным куполом (фото М. Капаса).

- 3.3. Хортиатис, церковь Преображения, вид с юга (фото М. Каппаса).
- 3.4. Фессалоника, церковь св. Пантелеимона: а) вид на юг; б) вид на юго-западную угловую ячейку (фото М. Каппаса).
- 3.5. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, вид с востока (фото Г. Фустериса).
- 3.6. Фессалоника, храм св. Екатерины, вид изнутри на восток (фото М. Каппаса).
- 3.7. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.8. Фессалоника, церковь св. Илии, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.9. Фессалоника, церковь свв. Апостолов, западный тимпан под центральным куполом (фото М. Каппаса).
- 3.10. а) Фессалоника, церковь свв. Апостолов, вид с северо-запада; б) Константинополь, Вефа Килисе Джами, вид с северо-запада (фото М. Каппаса).
- 3.11. Константинополь, Паммакарistos, парэклисий Михаила Тарханиота, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.12. Константинополь, Хора, парэклисий Феодора Метохита, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.13. Фессалоника, Св. Пантелеимон, общий вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.14. Фессалоника, Св. Екатерина, вид с востока (фото М. Каппаса).
- 3.15. Фессалоника, церковь свв. Таксиархов, восточный фасад (фото М. Каппаса).
- 3.16. Фессалоника, Св. Николай Орфанос, вид на апсиду (фото М. Каппаса).
- 3.17. Фессалоника, Св. Илия, центральный купол, вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.18. Фессалоника, церковь Преображения, вид с северо-востока (фото М. Каппаса).
- 3.19. Чучер, Св. Никита, вид с юго-востока (фото М. Каппаса).
- 3.20. Лесново, церковь свв. Архангелов, вид с юго-запада (фото М. Каппаса).

К статье А. Захаровой

Илл.

- 4.1. Благовещение. Росписи церкви Панчарлык близ Ургюпа. Кон. IX в. (фото А. В. Захаровой).
- 4.2. Росписи церкви Кокар в долине Ихлара. Кон. IX в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.3. Бегство в Египет. Росписи церкви Тавшанлы близ Ортахисара. 913–920 или 944–945 г. (фото А. В. Захаровой).
- 4.4. Вознесение. Росписи церкви Эль Назар в Гёреме. Ок. сер. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.5. Вознесение. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.6. Сретение. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.7. Свв. Капитон и Никита. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.8. Христос Вседержитель. Миниатюра Христианской топографии Косьмы Индикploва. Ватиканская апостольская библиотека, Vat. gr. 699, л. 43. Кон. IX в. Деталь (по: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.699)
- 4.9. Пророк Малахия. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.10. Христос исцеляет скорченную. Миниатюра гомилий Григория Назианзина. Париж, Национальная библиотека Франции, cod. gr. 510, л. 310 об. 879–883 г. Деталь (по: <http://visualiseur.bnf.fr/Visualiseur?Destination=Mandragore&O=08452208&E=634&I=112339&M=imageseule>)
- 4.11. Беседа Христа с Иоанном Крестителем. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.12. Лев VI перед Христом. Мозаика Софии Константинопольской. 906–913 гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.13. Вознесение. Мозаика Св. Софии в Салониках. Кон. IX в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.14. Евангелист Марк. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.15. Вознесение. Мозаика Св. Софии в Салониках. Кон. IX в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.16. Сретение. Росписи церкви Айвалы в Гюллю-дере. 913–920 гг. Деталь (фото Р. В. Новикова).

- 4.17. Благовещение. Росписи церкви Кылычлар в Гёреме. Нач. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.18. Благовещение. Росписи Старой церкви Токалы. Перв. четв. X в. Деталь (фото Р. В. Новикова).
- 4.19. Евангелист Марк. Миниатюра Четвероевангелия из монастыря Ставроникита на Афоне, cod. 43, л. 11 (по: *Mavropoulou-Tsioumi Chr., Galavaris G. Holy Stavroniketa Monastery. Illustrated Manuscripts from 10th to 17th Century. Mount Athos, 2007. Vol. 2. Fig. 22*).
- 4.20. Поклонение волхвов. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.21. Апостол Петр рукополагает диаконов. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.22. Св. Феодул. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.23. Св. Тарасий. Росписи Новой церкви Токалы. 950-е гг. (фото Р. В. Новикова).
- 4.24. Евангелист Марк. Миниатюра Трапезундского Евангелия. Санкт-Петербург, РНБ, гр. 21, л. 5 об (по: *Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А. Византийская миниатюра конца X – начала XII в. М., 2012. Илл. 30*).
- 4.25. Евангелист Иоанн и Прохор. Миниатюра Четвероевангелия из монастыря Дионисиу на Афоне, cod. 588, л. 225 об (по: *Pelekaniadis S. M., Christou P. C., Tsioumis Ch., Kadas S. N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 1. Athens, 1974. Fig. 287*).
- 4.26. Мозаика в южном вестибюле Св. Софии Константинопольской. Кон. X в. (фото Р. В. Новикова).
- 4.27. Неизвестный пророк. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.28. Преподобный Антоний. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.29. Свв. Сергей и Вахк. Росписи церкви Дирекли в Белисирме. 976–1025 гг. (фото А. В. Захаровой).
- 4.30. Успение. Росписи церкви Ала в Белисирме. Кон. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.31. Св. Кандид. Росписи церкви Ала в Белисирме. Кон. X в. Деталь (фото А. В. Захаровой).
- 4.32. Царь Давид. Росписи триконха в Тагаре. Нач. XI в. (фото А. В. Захаровой).

- 4.33. Деисус. Росписи триконха в Тагаре. Нач. XI в. (фото А. В. Захаровой).

К статье Т. Уяра

- 5.1 Безирана Килисе, наос, вид на восток, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisfot Photoscan.
- 5.2 Безирана Килисе, наос, вид на юго-запад, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisfot Photoscan.
- 5.3 Безирана Килисе, наос, вид на западную стену, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisfot Photoscan.
- 5.4 Безирана Килисе, наос, вид на северо-запад и апсиду, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisfot Photoscan.
- 5.5 Безирана Килисе, наос, потолок, вид на восток, изображение из масштабированной трехмерной модели, созданной в программе Agisfot Photoscan.
- 5.6 Безирана Килисе, деталь восточной стены аркосолия в северо-западном углу наоса, с просительной надписью на свитке св. Иоанна Крестителя.
- 5.7 Безирана Килисе, деталь погребальной надписи на восточной стене погребального помещения и над северной стеной наоса, распрямленное изображение изогнутой поверхности стены, обработанное в программе Photoshop.

Оглавление

<i>Пол Магдалино</i> Каппадокия и Константинополь в VI в. (пер. О. Керзиной, А. Ляхович, Н. Сергеевой).....	10
<i>Альбрехт Бергер</i> «Переработка» Константинополя (пер. С. Матюниной, М. Пономаревой).....	25
<i>Халюк Четинкая</i> Погребальные компартименты в монастыре Пантократора	47
<i>Филипп Нивенер</i> Христианское искусство как провинциальное. «Центральность» провинциальных традиций в раннехристианских церковных постройках (пер. М. Володарского, Д. Ерофеевой, М. Журавлевой, А. Торрес-Горбенко).....	57
<i>Андрей Виноградов</i> Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный триконх и новая архитектурная идентичность империи	91
<i>Михалис Каппас</i> Архитектурный «идиолект» Фессалоники в средне- и поздневизантийские периоды: сходства и различия с Константинополем (пер. В. Махмутова, И. Орловой, А. Старцевой)	127
<i>Анна Захарова</i> Искусство X века: Константинополь и Каппадокия	154
<i>Толга Уяр</i> Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском сакральном пространстве: новое открытие Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия) (пер. А. Вотева, Н. Пелезневой, Е. Плотниковой)	175

<i>Сергей Иванов</i> Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе	203
<i>Беатриче Даскас</i> Миф о Венеции как Alterum Byzantium (пер. С. Кабаева, Н. Тарасовой, Д. Чубарова).....	236
<i>Дмитрий Черноглазов</i> Письмовники и собрания образцовых писем: эпистолярная теория в эпоху Палеологов	250
Резюме	282
Summaries	289
Список иллюстраций	295

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ:
провинциализм столицы и столичность провинции

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Кг. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 0,00. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездиновский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. –пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чаюнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Коллективный труд
«Византий и Византия:
столичность провинции
и провинциальность
столицы» посвящен
проблеме взаимоотношений
и взаимовлияний
Константинополя
и византийских провинций
и подготовлен на основе
докладов одноименной
конференции 2017 г.

Представленные работы
ведущих мировых ученых
из России, Германии,
Великобритании, Италии,
Греции и Турции затрагивают
вопросы политической
истории, архитектуры,
живописи, литературы,
топографии и др.

ISBN: 978-5-00165-031-7

9 785001 650317

ПРОВИНЦИАЛИЗМ СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ ПРОВИНЦИИ

ВИЗАНТИЙ И ВИЗАНТИЯ •